Наваррская М.

ГЕПТАМЕРОН

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ — ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

ТОМ 2

ШЕДЕВРЫ
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Шедевры мировой литературы (Мир книги, Литература)

Маргарита Наваррская

Гептамерон. Том 2. День четвертый – День восьмой

«Алгоритм»

1558

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

Наваррская М.

Гептамерон. Том 2. День четвертый – День восьмой /
М. Наваррская — «Алгоритм», 1558 — (Шедевры мировой литературы (Мир книги, Литература))

ISBN 978-5-501-00022-3

Маргарита Наваррская (1492–1549) – французская принцесса, сестра короля Франциска I, одна из первых женщин-писательниц во Франции. Известна также как Маргарита Валуа. Происходила из Ангулемской ветви династии Валуа; бабушка Короля Генриха IV. Королевский двор Маргариты Наваррской был центром культурной жизни Франции середины XVI в. Она покровительствовала многим известным литераторам и оказывала большое влияние на выдающихся людей того времени. Сама королева также была не чужда сочинительству: из-под ее пера выходили стихотворения и поэмы, комедии и нравоучительные истории. Наиболее значительным ее произведением является «Гептамерон» – сборник из семидесяти двух новелл, написанных под влиянием «Декамерона» Боккаччо.Во втором томе данного издания публикуется окончание этой книги, в которой Маргарита достоверно и проницательно описала нравы своего времени, царившие не только в высшем обществе, но и среди простых горожан, и благочестивых монашек. Однако при всем разнообразии сюжетов основное место в «Гептамероне» занимают любовные истории.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-501-00022-3

© Наваррская М., 1558
© Алгоритм, 1558

Содержание

День четвертый	7
Вступление	8
Новелла тридцать первая	9
Новелла тридцать вторая	12
Новелла тридцать третья	15
Новелла тридцать четвертая	18
Новелла тридцать пятая	21
Новелла тридцать шестая	25
Новелла тридцать седьмая	28
Новелла тридцать восьмая	31
Новелла тридцать девятая	33
Новелла сороковая	35
День пятый	39
Вступление	40
Новелла сорок первая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Маргарита Наваррская Гептамерон. Том 2. День четвертый – День восьмой

© ЗАО «Мир Книги Ритейл», оформление, 2011
© ООО «РИЦ Литература», 2011

День четвертый

В четвертый день рассуждают главным образом о добродетели и терпении дам, способных долгое время ожидать, чтобы завоевать любовь мужа, и о благоразумии, которое проявляли мужья в отношении жен, дабы сохранить незапятнанной честь своего дома и рода

Вступление

Следуя своей похвальной привычке, госпожа Уазиль поднялась на следующее утро гораздо раньше всей компании и, углубившись в Священное Писание, стала ждать своих друзей, которые понемногу собирались. Те же из них, кому было лень подняться вовремя, пытались оправдаться словами Евангелия*: «Я женат и потому не могу прийти сейчас». Это были Иркан и его жена Парламанта, которые пришли, когда чтение уже началось. Однако госпожа Уазиль сумела разыскать то место в Писании, где порицаются люди, которые ленятся слушать слово Божие, и не только прочла им этот текст, но дала ему столь доброе и благочестивое толкование, что слушать ее всем было интересно. Когда же чтение окончилось, Парламанта сказала:

– Придя сюда, я была огорчена тем, что поленилась явиться вовремя. Но коль скоро провинность моя послужила для вас поводом рассказать мне столько всего хорошего, выходит, что леность оказала мне двойную услугу: тело мое насладилось долгим сном, а дух – вашими прекрасными речами.

– Так вот, для того чтобы искупить наши грехи, пойдемте послушаем мессу, – сказала Уазиль, – и попросим Господа нашего, чтобы он вселил в нас добрую волю и дал нам силы исполнять его веления. И да повелит он все, что будет угодно ему.

С этими словами они отправились в церковь и благочестиво прослушали там мессу, а потом, когда все сели за стол, Иркан не упустил случая посмеяться над тем, как ленива его жена. После этого все пошли отдохнуть, чтобы лучше припомнить и подготовить свои рассказы, а в назначенный час все опять собрались на том же месте, и Уазиль спросила Иркана, кому он предоставляет слово, чтобы начать день.

– Если бы моя жена не была вчера первой рассказчицей, – ответил он, – я бы предоставил слово ей. Хоть я и всегда был уверен, что она любит меня больше всего на свете, сегодня она доказала мне, что я для нее дороже Господа Бога и Священного писания, ибо, вместо того чтобы слушать ваше душеспасительное чтение, она предпочла остаться со мной. Но раз уж я не могу передать слово самой разумной женщине, я передам его самому разумному из мужчин, а именно Жебюрону. Но пусть он не щадит монахов.

– Просить меня об этом не надо, – сказал Жебюрон, – я слишком хорошо их знаю. Совсем недавно еще я слышал от господина Сен-Венсана*, посла императора, одну историю, которая стоит того, чтобы ее запомнить, и я вам ее сейчас расскажу.

Новелла тридцать первая

Дабы до скончания века люди помнили о жестокости одного из монахов-францисканцев, возгоревшегося страстью к жене дворянина, францисканский монастырь был сожжен вместе со всеми, кто в нем находился

Во владениях императора Максимилиана Австрийского* находился некогда францисканский монастырь, весьма почитаемый в округе, а неподалеку от него было поместье одного дворянина. Дворянин этот был в такой дружбе с монахами-францисканцами, что готов был поступиться чем угодно, лишь бы вместе с ними творить добрые дела, соблюдать посты и молиться. Среди монахов был один, высокий и красивый, которого дворянин этот избрал своим духовником. Монах этот распоряжался у него в доме и мог позволить себе там все, что душе угодно. Жена этого дворянина была хороша собой и очень умна. И монах влюбился в нее, да так, что не мог ни пить, ни есть и совсем потерял голову. Решив добиться взаимности, он отправился в дом дворянина и, не застав хозяина, спросил его жену, куда он ушел. Та сказала, что муж ее уехал в одно из своих поместий и будет в отлучке дня два или три, но, если у него есть к нему какое-либо дело, она пошлет за ним слугу. Монах ответил, что ему ничего не надо, и стал расхаживать взад и вперед по дому, как будто обдумывая что-то важное. Когда он вышел из комнаты, хозяйка сказала одной из своих служанок, – а их у нее было всего лишь две:

– Пойди-ка к святому отцу и спроси у него, чего он хочет. По лицу его видно, что он чем-то недоволен.

Служанка вышла во двор и спросила монаха, не угодно ли ему чего.

– Да, угодно, – ответил он и, затащив ее в угол, выхватил из рукава кинжал и всадил ей в горло. В это время во двор въехал на лошади один из слуг, который ездил собирать подати. Спешившись, он поздоровался с монахом, а тот, обняв его, всадил ему в спину нож и тут же запер ворота. Видя, что посланной все нет, хозяйка дома стала тревожиться и сказала другой служанке:

– Поди-ка посмотри, куда она делась!

Та ушла – и, едва только святой отец ее увидел, он завел ее в угол и расправился с ней так же, как с первой. А когда он удостоверился, что в доме никого больше не осталось, он пошел к жене дворянина и признался ей, что давно уже любит ее и что настал час, когда она должна уступить его желаниям.

Дама, которой все это и в голову не могло прийти, ответила:

– Отец мой, если бы я на это решилась, вы бы первый потом меня посрамили.

– Выйдите во двор, – сказал монах, – и вы увидите, что я сделал.

Увидав двух убитых служанок и слугу, женщина пришла в такой ужас, что стояла неподвижно, не в силах произнести ни слова. Однако негодяю было мало овладеть ею на короткое время, – и, рассчитывая на большее, он не стал пускать в ход силу.

– Не бойтесь, сударыня, – сказал он, – вы сейчас в руках у человека, который любит вас больше всего на свете.

С этими словами он распахнул свою рясу и, вытащив из-за пазухи другую, поменьше, протянул ее несчастной, сказав, что, если она сейчас же не наденет ее, он расправится с нею так же, как расправился с теми, кого она видела во дворе.

Несчастная, едва живая от страха, решила притвориться, что согласилась исполнить все, чего он хочет, чтобы спасти свою жизнь и выиграть время, ибо надеялась, что муж ее скоро вернется. И, выполняя приказание францисканца, она стала распускать волосы, стараясь делать это как можно медленнее. Когда же волосы были распущены, монах даже не полюбовался их

красотой и сразу же их обрезал. После этого он велел ей раздеться до рубашки и облачиться в привезенную им рясу, сам же надел свою. И, не медля ни минуты, пустился в путь, увозя с собою в обличье маленького францисканца ту, которая столько времени была предметом его вожделения. Но Господь, который берет под свою защиту невинных, услышал мольбы этой несчастной, и случилось так, что муж ее, окончив свои дела раньше, чем предполагал, возвращался к себе домой тою же дорогой, которой ехала теперь его жена. Как только монах увидел его издалека, он сказал ей:

– Навстречу нам едет ваш муж! Я знаю, что, если вы взглянете на него, он захочет вырвать вас из моих рук. Поэтому следуйте за мной и не смейте поворачивать голову в его сторону. Если вы ему только подадите знак, я всажу вам в горло кинжал раньше, чем он успеет освободить вас.

В это время дворянин приблизился к ним и спросил, откуда он едет.

– Из вашего дома, – отвечал монах, – супруга ваша в добром здравии и ждет вас.

Дворянин проследовал дальше, не узнав своей жены. Но бывший с ним слуга хорошо знал постоянного спутника францисканца, брата Жана, и, думая, что это он, стал его окликать по имени. Бедная женщина, которая боялась даже взглянуть в сторону мужа, разумеется, ничего ему не ответила. Тогда слуга пересек дорогу и попытался заглянуть ей в лицо. На этот раз его госпожа сделала ему знак, и он успел увидеть ее полные слез глаза. Слуга вернулся к своему господину и сказал ему:

– Ваша милость, я перебежал через дорогу и пригляделся к этому человеку, это вовсе не брат Жан, это не кто иной, как ваша жена, глаза у нее полны слез, и она так жалостно на меня посмотрела.

Дворянин сказал, что он, должно быть, рехнулся, и не обратил никакого внимания на его слова. Но слуга продолжал настаивать и просил подождать, пока он не догонит путников и не убедится еще раз, что это действительно так. Его господин позволил ему это сделать и стал его дожидаться. Но едва только монах услыхал сзади голос слуги, звавший брата Жана, он испугался, что тот узнает свою госпожу, и с такой силой ударил его бывшей у него в руках большой палкой, что сбросил его с лошади, а потом, кинувшись на него, перерезал ему горло. Господин, видевший издали, как слуга упал на землю, решил, что это какая-то несчастная случайность, и поспешил ему на помощь. Но едва только он приблизился, как монах ударил его, так же как и слугу, своей палкой с железным наконечником и, свалив на землю, набросился на него. Однако дворянин был очень силен; он вцепился в монаха так, что тот не мог ничего с ним поделать, и вышиб у него из рук кинжал, который женщина тотчас же подняла и передала мужу, а сама со всею силой ухватила монаха за капюшон. И только после того, как дворянин нанес ему несколько ран кинжалом, монах признался в своих злодеяниях и запросил пощады. Убивать его дворянин не стал. Он попросил жену пойти домой за людьми и прислать повозку, на которой он мог бы его увезти, что она и сделала; она скинула с себя рясу и, ничем не покрыв остриженную голову, в одной рубашке побежала домой. Сбежались все слуги – они поспешили к своему господину, чтобы помочь ему привезти пойманного волка. Найдя его на дороге, они схватили его, связали и отвезли в дом к дворянину, который потом отправил его на суд к императору во Фландрию, и на суде монах признался во всех своих преступлениях. И на основании его признаний было учинено следствие, обнаружившее, что в монастыре своем францисканцы укрывали многих знатных дам и юных красавиц, которых завлекли туда обманом или затащили насильно, – словом, поступали с ними так, как поступил бы со своей жертвой и этот монах, если бы не милость Господа нашего, всегда приходящая на помощь тем, кто на нее уповает. И из монастыря вывезли всех похищенных и заточенных в нем женщин, монахов же заперли в нем и заживо всех сожгли вместе с монастырем, чтобы люди навеки запомнили это преступление и поняли, что нет ничего опаснее любви, когда она зиждется на пороке, так же как нет ничего человечнее и досто-хвальнее любви, которая пребывает в сердце человека справедливого и доброго.

– Меня очень огорчает, благородные дамы, что истина служит отнюдь не к чести францисканцев, а, напротив, к их посрамлению, ибо сам я так люблю этот орден, что очень хотел бы услышать что-нибудь, что позволило бы мне воздать ему хвалу. Но так как мы поклялись рассказывать здесь одну только правду, то я вынужден считаться с тем, что говорят люди, заслуживающие доверия, и обещать вам, что, ежели монахи совершат какое-либо славное и памятное деяние, я сделаю все от меня зависящее, чтобы поступки их стали известны всем.

– Послушайте, Жебюрон, – сказала Уазиль, – не больше ли здесь жестокости, чем любви?

– Я поражаюсь, – сказал Симонто, – как это у монаха хватило терпения не овладеть этой женщиной сразу, когда он увидел ее в одной рубашке и в таком месте, где никто не мог ему помешать.

– Он не был жаден, – заметил Сафредан, – но он знал толк в удовольствиях, ему до того хотелось наслаждаться ею день за днем, что он не прельстился минутной забавой.

– Дело вовсе не в этом, – возразила Парламанта, – поймите, что когда в человеке разгорается страсть, он всегда становится трусливым; монах этот так боялся, что у него отнимут его добычу, что уносил ее прочь, как волк уносит овцу, чтобы потом уже насладиться ею сполна.

– Как бы то ни было, – воскликнул Дагусен, – я ни за что не поверю, чтобы он ее не любил и чтобы даже в такое злобное сердце благодетельный бог любви не заронил какой-то искорки чувства.

– Так или иначе, – сказала Уазиль, – он получил по заслугам. Я молю Бога, чтобы подобные злодейства всегда бывали наказаны так, как это. Но кому же вы теперь предоставите слово?

– Вам, госпожа моя, – ответил Жебюрон, – вы непременно расскажете нам что-нибудь интересное.

– Раз вы даете мне это право, – воскликнула Уазиль, – я расскажу вам одну интересную историю, которая случилась в мое время и которую мне рассказал человек, бывший сам ее очевидцем. Вы, разумеется, знаете, что конец всех наших несчастий – это смерть, но именно потому, что с нею кончаются наши муки, можно сказать, что в ней – наше счастье и наш покой. И человек всего несчастнее тогда, когда он жаждет смерти и не может ее обрести. Поэтому самое большое наказание за преступление – это не смерть, а непрестанная тяжкая мука, которая заставляет желать смерти и вместе с тем бессильна ее приблизить. И вы сейчас услышите, как один муж поступил со своей женой, которую хотел наказать.

Новелла тридцать вторая

Бернаж, увидев, сколь терпеливо и сколь смиренно одна благородная немка переносила необычное наказание, которому муж подверг ее за неверность, уговорил его простить ее, и тот, позабыв свою обиду, сжалился над несчастной. Он снова стал жить с нею как с женой, и у них родились прекрасные дети

Король Карл, восьмой этого имени, послал однажды в Германию некоего дворянина по имени Бернаж*, сеньора Сивре, что под Амбуазом. Посланец, торопясь исполнить приказание своего повелителя, проводил дни и ночи в пути. И вот как-то раз, уже поздно вечером, он добрался до замка, принадлежавшего одному дворянину. Путник стал просить, чтобы его приютили на ночь, но ему очень долго не хотели открыть ворота.

Когда же владелец замка узнал, что прибывший состоит на службе у достославного короля Карла, он вышел к нему сам и попросил извинить слуг за то, что они столь неприветливо его встретили. Он рассказал, что родственники жены злоумышляют против него и поэтому дом его закрыт для всех. А когда Бернаж поведал, что его сюда привело, дворянин сказал, что готов служить повелителю своему, королю, и провел его во внутренние покои, где и принял его со всеми подобающими почестями.

В доме собирались ужинать. Хозяин пригласил гостя в роскошно убранный зал, стены которого были увешаны гобеленами. Когда на стол были поданы кушанья, Бернаж увидел, как из-за драпировки вышла женщина неописуемой красоты. Но голова ее была обрита, и одета она была во все черное, как обычно одеваются немки. Когда сеньор Бернаж и хозяин дома вымыли руки, таз с водою был подан даме, которая последовала их примеру. После этого она села на конец стола, и в продолжение всего ужина никто к ней не обращался и сама она не проронила ни слова. Сеньор Бернаж пристально на нее посмотрел, и ему показалось, что такой красавицы он в жизни не видел. Только лицо ее было очень бледно и очень печально. Закусив немного, она попросила пить, и слуга принес ей питье в совершенно необычном сосуде; это был человеческий череп, глазницы которого были залиты серебром. Красавица отпила несколько глотков из этой удивительной чаши. После ужина она омыла руки, сделала реверанс хозяину дома и скрылась за драпировкой, так и не сказав никому ни слова. Бернаж был всем этим до того поражен, что помрачнел и глубоко задумался. Заметив это, его хозяин сказал:

– Я понимаю, как вас должно было изумить то, что вы только что увидали. Но я вижу, что вы человек благородный, и не хочу ничего от вас утаить, дабы вы не подумали, что я жесток без достаточной на то причины. Дама, которая только что здесь была, – моя жена, и я любил ее так, как, вероятно, не мог бы любить ни один мужчина. Я не побоялся привезти ее сюда и жениться на ней, несмотря на то что ее родные всячески этому противились. Да и сам я нашел в ней такую любовь, что не пожалел бы отдать десять тысяч жизней, лишь бы она пребывала здесь на радость и себе и мне. Жили мы с ней в таком мире и согласии, что я почитал себя счастливейшим из смертных. Но однажды мне пришлось на какое-то время уехать, и поездки этой нельзя было избежать, ибо дело касалось моей собственной чести. И вот за это время она позабыла и о чести своей, и о долге, и о любви ко мне – и влюбилась в одного молодого дворянина, который был мне очень многим обязан. Вернувшись, я уже начал кое-что замечать. Но любовь моя была так велика, что я ни за что не решался поверить в измену, пока наконец не узрел воочию того, чего боялся больше всего на свете. И тогда любовь, которую я питал к жене, сменилась отчаянием и гневом. Я стал выслеживать ее шаг за шагом. Однажды, сказав ей, что уезжаю, я спрятался в той самой комнате, где она пребывает сейчас. Убедившись, что меня нет, она удалилась к себе, и вслед за тем к ней в спальню явился сей молодой дворянин и вел

себя с ней так свободно, как приличествовало только мне, ее законному мужу. Но едва только я увидел, что он хочет лечь с ней в постель, я выскочил из своей засады, схватил его и тут же убил. А так как я считал, что проступок моей жены столь велик, что смерти для нее недостаточно, я придумал наказание еще более жестокое, чем смерть. Я заточил ее в той самой комнате, где она предавалась наслаждениям в объятиях того, кого она полюбила больше меня. Там, в шкафу, я развесил кости ее возлюбленного, чтобы они хранились впредь, как некие драгоценности. И дабы она вспоминала о нем всегда, когда пьет и ест, я велел подавать ей вместо чаши череп этого негодяя, чтобы она, сидя за одним столом со мной, ежечасно видела бы живым того, кто, по ее вине, стал ее смертным врагом, и мертвым из-за его любви к ней – того, чью любовь она предпочла моей. И так вот каждый раз за обедом и за ужином она видит именно то, что ей всего тягостнее видеть: живого недруга и мертвого друга, ставших таковыми из-за ее греха. Впрочем, я ни в чем ее не притесняю, если не считать того, что голова у нее теперь обрита, ибо прелюбодейке не пристало причесывать волосы, а бесстыднице – покрываться вуалью. Для того-то она и ходит бритая, чтобы все люди видели, что она потеряла и честь и стыд. Если вам будет угодно, я вас к ней сейчас отведу.

Бернаж охотно согласился: они спустились вниз и очутились в прекрасном покое, где женщина эта сидела одна у огня. Владелец замка откинул занавес, прикрывавший большой шкаф, где были развешаны человеческие кости. Бернажу очень хотелось поговорить с дамой, но, опасаясь навлечь на себя гнев ее супруга, он не решался. Тот заметил это и сказал: «Если вам будет угодно, спросите у нее что-нибудь, вы увидите, как она благовоспитанна, и услышите, как изящна ее речь». Тогда Бернаж обратился к ней и сказал:

– Сударыня, терпение ваше не уступает вашим мукам; я считаю вас самой несчастной женщиной на свете.

На глазах у бедной затворницы выступили слезы, и, преисполненная величайшего смирения, она сказала:

– Сударь, вина моя так велика, что, какие бы наказания я ни терпела от господина этого замка – ибо супругом своим назвать его я не смею, – все это ничто по сравнению с тем раскаянием, которое я сейчас испытываю.

Сказав это, она заплакала. Тогда владелец замка дернул Бернажа за рукав и увел его. Наутро путник уехал, чтобы выполнить поручение, которое возложил на него король. Прощаясь со своим хозяином, он не мог удержаться, чтобы не сказать:

– Сударь, мои чувства к вам и тот любезный прием, который вы мне оказали у себя в доме, вынуждают меня высказать то, что я думаю. Ваша бедная жена искренне раскаивается во всем, и вам следовало бы быть с ней милосердней, к тому же вы молоды, детей у вас нет, и будет очень прискорбно, если в такой знатной семье не родится наследника и все имение ваше достанется тем, кто, может быть, вас вовсе не любит.

Супруг, который дал себе слово никогда больше не разговаривать с женой, долго раздумывал над тем, что сказал ему гость. В конце концов он признался, что был не прав, и обещал, что если жена его впредь будет столь же смиренна, как ныне, сердце его, может быть, когда-нибудь к ней смягчится. Бернаж отправился дальше своей дорогой. И когда он вернулся к господину своему королю и доложил ему, что выполнил его поручение, король похвалил его за усердие. Между прочим, Бернаж рассказал и об удивительной красоте виденной им женщины, и тогда король послал своего художника Жана Парижского*, чтобы тот написал портрет этой дамы. Все это было сделано с согласия мужа, который очень хотел иметь детей и, видя, с каким превеликим смирением несчастная переносит свое наказание, возымел к ней жалость и простил ее. Он сделал ее снова своею женою, и у них родились прекрасные дети.

– Благородные дамы, если бы со всеми женами, с которыми происходит нечто подобное, поступали так же, я боюсь, что на месте золотых чаш у нас на столах не раз появлялись бы

черепа. Господь хранит нас от этого – ведь если бы благость его не удерживала смертных от греха, любой из нас мог бы совершить еще более постыдные проступки. Но поелику мы полагаемся на него, он оберегает от зла тех, кто не умеет уберечь себя сам. Тем же, кто целиком полагается на свои собственные силы, грозит опасность поддаться такому великому соблазну, что им потом придется каяться в своей слабости. И я видела немало таких, которые спотыкались в тех случаях, когда честь спасала иных, почитавшихся не столь добродетельными. Недаром пословица гласит: «То, что бережет Господь, всегда сбережется».

– Я считаю, – сказала Парламанта, – что мера эта была весьма разумна, ибо точно так же, как оскорбление было страшнее смерти, страшнее смерти было и возмездие.

Эннасюита же сказала:

– Я держусь иного мнения: лучше пусть я всю жизнь буду глядеть у себя в комнате на кости моих поклонников, нежели умирать из-за них, ибо нет такой вины, которую нельзя было бы искупить, а после смерти это уже невозможно.

– А чем можно искупить стыд? – спросила Лонгарина. – Вы знаете, что бы ни делала женщина после такого проступка, ей ничем не вернуть потерянной чести.

– Скажите мне, пожалуйста, – в свою очередь спросила Эннасюита, – неужели люди не больше чтят теперь Магдалину, чем ее сестру, которая была девственна?

– Надо сказать, – ответила Лонгарина, – что мы действительно воздаем ей хвалу за ее великую любовь к Иисусу Христу и за ее великое покаяние, но мы по-прежнему называем ее грешницей.

– Мне совершенно все равно, – сказала Эннасюита, – какое прозвище мне дадут люди, лишь бы Господь простил меня, так же как и мой муж. А платиться за что бы то ни было жизнью я не хочу.

– Если эта особа действительно любила своего мужа так, как ей следовало бы его любить, – сказал Дагусен, – я могу только удивляться, как, день и ночь глядя на кости того, кого она погубила своим грехом, она не умерла от горя.

– А разве вы еще не знаете, – возразил Симонто, – что женщинам неведомы ни любовь, ни жалость?

– Да, действительно, я этого не знаю, – сказал Дагусен, – ибо я никогда еще не подвергал испытанию их любовь из боязни, что она окажется меньше, чем та, которую я предвкушаю.

– Итак, значит, вы питаетесь только верою и надеждой, – сказала Номерфида, – совсем как птичка-ржанка, которую кормит ветер? Вам, стало быть, легко найти себе пропитание?

– Я довольствуюсь, – ответил он, – любовью, которая живет во мне, и тем, что я уповаю на женщин, но если бы все надежды мои исполнились и я в этом уверился, я был бы до того счастлив, что не мог бы вынести своего счастья и умер бы сразу.

– Берегитесь только чумы, – сказал Жебюрон, – а от этой болезни я уж как-нибудь вас излечу. Но я хотел бы знать, кому предоставит слово госпожа Уазиль.

– Я предоставляю его Симонто, – сказала она, – он-то уж никого не пощадит.

– Вы этим хотите сказать, что у меня злой язык? – воскликнул Симонто. – Но я готов доказать вам, что те, кого упрекают в злоязычии, говорят правду. Впрочем, я полагаю, благородные дамы, что вы не настолько глупы, чтобы верить всем тем россказням, которые вы только что слышали, какими бы благочестивыми они ни казались, если только они не подкреплены столь вескими доводами, что поставить их под сомнение уже нельзя. Ибо под видом такого рода чудесных происшествий нередко подносится ложь. Вот почему мне хочется рассказать вам теперь об одном истинном чуде, и рассказ мой столь же прославит благочестивого князя, сколь посрамит недостойного служителя церкви.

Новелла тридцать третья

Граф Ангулемский искусно разоблачил и, предав суду, наказал лицемерного и подлого священника; этот пастырь, под прикрытием святости, соблазнил собственную сестру, которая от него забеременела

Графу Карлу Ангулемскому*, отцу короля Франциска, человеку благочестивому и богобоязненному, находившемуся в то время в Коньяке*, рассказали, что в одной из близлежащих деревень под названием Шерв* живет некая девушка весьма строгой жизни, которая, однако, как это ни странно, забеременела. Она этого не скрывала и уверяла всех, что никогда не знала мужчины и понять не могла, как все произошло, и что сотворить это мог только Святой Дух. Люди легко этому верили и почитали ее за вторую Деву Марию, – каждый ведь знал, что с детских лет девушка эта была очень скромна и чуждалась всего мирского. Мало того, что она соблюдала посты, предписанные церковью, она сверх этого постилась еще несколько раз в неделю по собственному желанию и не пропускала ни одной мессы. Поэтому все глубоко ее чтили и каждый взирал на нее с благоговением, как на некое чудо, и бывал счастлив тем, что мог хотя бы коснуться подола ее платья. Приходским священником был ее брат, человек уже пожилой и весьма строгих правил; прихожане относились к нему с уважением и почитали едва ли не за святого. С сестрою своей он был суров и после случившегося стал держать ее взаперти, – чем, однако, народ был недоволен. И вокруг поднялся такой шум, что, как я уже говорил, об этом прослышал и сам граф. Заподозрив, что тут кроется какой-то обман, и желая его рассеять, он послал туда своего капеллана и судейского чиновника – людей, которым он вполне доверял, – дабы узнать истинное положение дела. Те явились в означенную деревню и стали очень осторожно вести там дознание, обратившись прежде всего к священнику, который всем этим был так недоволен, что попросил их присутствовать при расследовании, которое он намеревался произвести на следующий же день.

На другой день утром священник стал служить мессу, на которой присутствовала и его сестра. Беременность ее была уже заметна, но она все же простояла на коленях всю службу. А перед концом мессы священник вознес Святые Дары и в присутствии всех сказал сестре:

– Скажи, несчастная, перед лицом того, кто страдал и умер за тебя, действительно ли ты девственница, как ты всегда меня уверяла?

Девушка, не задумываясь, ответила, что это так.

– Так как же ты могла забеременеть и в то же время остаться девственницей?

– Я не могу объяснить это ничем, кроме как благодатью Святого Духа, который сотворил со мною сие, – ответила она, – на то была воля Господня, сохранившая чистоту мою и уберегшая меня от искушения выйти замуж.

Тогда брат ее сказал:

– Под страхом вечного проклятия ты сейчас, причащаясь телом Иисуса Христа, поклянешься, что все, что ты говоришь, – правда, чему будут свидетелями эти господа, присланные сюда монсеньором графом.

Тогда девушка, которой было уже около тридцати лет, поклялась следующими словами:

– Под страхом вечного проклятия я свидетельствую здесь перед Господом Богом, перед вами всеми и перед вами, брат мой, что ни один мужчина не приблизился ко мне больше, чем вы, брат мой!

И с этими словами она приняла святое причастие.

Капеллан графа и судейский чиновник в великом смущении удалились, ибо думали, что, если девушка могла дать такую клятву, никакой лжи в ее словах быть не может. И они доло-

жили обо всем графу и старались уверить его в том, чему поверили сами. Но граф был человеком умным, он заставил их в точности повторить слова клятвы и, как следует обо всем поразмыслив, сказал:

– В словах ее правда, но в то же время и ложь, ибо она призналась, что ни один мужчина не приблизился к ней больше, чем брат. Так вот, я думаю, что брат ее и есть виновник всего и что всем этим притворством он хочет скрыть свой собственный грех. Мы ведь знаем, что Христос уже приходил к нам на землю, и ждать второго Христа мы не должны. Поэтому возьмите этого священника и посадите его в тюрьму. Я убежден, что там он скажет всю правду.

Они сделали так, как он приказал, но вся округа возмутилась тем, что благочестивого человека подвергли такому позору. Однако, едва только священника привели в тюрьму, он признался в своем грехе и в том, что научил сестру говорить такие речи, – и не только для того, чтобы оправдать ту жизнь, которую они вели, но чтобы хитросплетенною ложью заставить людей еще больше чтить их обоих. Когда же его стали винить в том, что он богохульствовал, заставив ее поклясться телом Господним, он ответил, что никогда не дерзнул бы это сделать и что взял для этого хлеб неосвященный, на котором не было Божьего благословения. Обо всем этом доложили графу Ангулемскому, и тот передал его в руки правосудия. Спустя некоторое время, когда девушка разрешилась от бремени крепким мальчиком, брата и сестру сожгли на костре, и велико было удивление всего народа, который понял, какое страшное чудовище скрывалось под святыми одеждами проповедника и какой великий порок гнездился там, где они все видели только жизнь, исполненную благочестия и святости.

– Итак, благородные дамы, наш добрый граф не дал себя обмануть никакими выдумками и не поверил в чудеса, ибо хорошо знал, что у нас только один Спаситель, который словами «Consummatum est»[1] ясно показал, что никакого другого быть не должно.

– Велика же была дерзость этого священника, – сказала Уазиль, – если он пустился на подобное лицемерие и решил прикрыть такой страшный грех покровом благочестия и святости.

– Я слышал, – сказал Иркан, – что те, кто, делая вид, что выполняют приказы короля, творят жестокости и тиранят людей, бывают наказаны вдвойне за то, что свое неправосудие они прикрывают правосудием короля. Так же бывает и с лицемерами. Хоть им и удается какое-то время благоденствовать под покровом святости и служения Богу, рано или поздно настает час, когда Господь приоткрывает этот покров и они предстают во всей своей наготе. И тогда-то нагота и вся грязь их и мерзость становятся еще более отвратительными именно оттого, что они прикрывали их мнимым благочестием.

– Самое приятное, – сказала Номерфида, – это говорить откровенно, так, как подсказывает сердце!

– Этим люди тоже что-то выгадывают, – ответила Лонгарина, – и я думаю, что слова ваши соответствуют вашему положению.

– Должна сказать, – ответила Номерфида, – что я заметила, что сумасшедшие, если их только не убивают, живут дольше людей, находящихся в здравом уме, и нахожу этому только одну причину: они не скрывают своих страстей. Если они разгневаны – они вас ударят, если они чему-нибудь рады – они смеются, в то время как те, кто считает себя людьми разумными, так стараются скрыть все свои несовершенства, что сердца их всех бывают отравлены ядом.

– По-моему, вы правы, – сказал Жебюрон, – именно лицемер, в отношении ли Бога, людей или природы, – причина всех наших зол.

[1] Свершилось (*лат.*).

– Как было бы хорошо, – сказала Парламанта, – если бы сердце наше было столь полно верой во Всевышнего, который и есть истинное добро и истинная радость, чтобы мы могли свободно открывать его каждому.

– Это случится только тогда, – возразил Иркан, – когда на костях наших не останется плоти.

– Дух Божий сильнее смерти, – сказала госпожа Уазиль, – и он может умертвить в нас плотские желания, оставив плоть нашу неповрежденной.

– Госпожа моя, – вскричал Сафредан, – вы говорите о том даре Господнем, который еще не обрели смертные.

– Он есть у всех, в ком есть вера, – ответила госпожа Уазиль, – область эта недоступна суждениям людей плотских. Спросите лучше Симонто, кому он передаст теперь слово.

– Я передаю его Номерфиде, – сказал Симонто, – в сердце ее столько радости, что рассказ, который мы услышим, не будет печальным.

– И в самом деле, – сказала Номерфида, – раз уж вам хочется посмеяться, я предоставлю вам этот случай – и, чтобы показать вам, сколько вреда могут принести невежество и страх, я расскажу вам, что приключилось с двумя францисканцами из Ниора, которые едва не умерли из-за того, что не поняли значения слов мясника.

Новелла тридцать четвертая

Два монаха-францисканца стали подслушивать разговор, который вовсе их не касался, и, не расслышав как следует слов мясника, подвергли свою жизнь опасности

Между Ниором и Фором* есть деревня под названием Грип, принадлежащая сеньору Форскому*. Однажды случилось, что два монаха-францисканца, шедшие из Ниора, добрались до этой деревни, когда было уже совсем поздно, и заночевали там в доме одного мясника. А так как между комнатой, куда их поместили, и спальней хозяев была тоненькая перегородка из плохо сколоченных досок, им захотелось подслушать, о чем муж говорит с женою в постели, и оба они приставили ухо к щели у изголовья кровати мужа и стали слушать. А тот, ведя с женой разговор о домашних делах, произнес вдруг такие слова:

– Вот что, дорогая моя, встану-ка я завтра пораньше да займусь нашими монахами, один-то уж больно жирен, надо будет его зарезать. Мы его потом засолим и внакладе не останемся.

И хоть имел он в виду поросят, которых промеж себя они называли монахами, несчастные францисканцы, услыхав этот разговор, решили, что речь идет именно о них, и, дрожа от страха, стали дожидаться рассвета. Один из них действительно был очень жирен и толст. Толстый решил довериться своему приятелю и сказал, что мясник потерял и страх Божий, и христианскую веру и ему ничего не стоит зарезать его так же, как он режет быков или какую другую скотину. А так как монахам нельзя было выйти из своей каморки, не пройдя через спальню хозяев, они уже не сомневались в том, что их ждет смерть и им остается только вверить души свои Господу Богу. Однако молодой монах, который не до такой степени поддался страху, как его товарищ, сказал, что, коль скоро дверь закрыта, им надо попытаться выскочить в окно и что хуже им от этого не будет – все равно ведь их часы сочтены. Старший с ним согласился. Тогда молодой открыл окно и, видя, что оно не так уже высоко над землей, соскочил вниз и пустился бежать со всех ног, не дожидаясь своего товарища, который собирался последовать его примеру. Тот, однако, был тяжел и неповоротлив, он грохнулся на землю и сильно повредил себе ногу.

Увидев, что товарищ его покинул, а сам он не в состоянии бежать за ним, он стал беспомощно озираться и искать место, где можно было бы спрятаться. Но поблизости он увидел только свинарник и с трудом дотащился туда. Когда же он стал открывать дверь, чтобы спрятаться там, оттуда выскочили два больших поросенка. Несчастному оставалось только занять их место и закрыть за собою дверь. Так он и притаился там, надеясь, что, когда кто-нибудь будет проходить по дороге, он сумеет позвать на помощь. Настало утро, и мясник, наточив свои огромные ножи, попросил жену пойти с ним в свинарник и помочь ему резать жирного поросенка. И, придя в загон, где укрывался наш монах, он открыл дверцу и стал громко кричать:

– Выходи-ка скорее, дружок мой монах, выходи скорее, уж и колбас же я из тебя сегодня понаделаю!

Несчастный, у которого так болела нога, что он не мог подняться, выполз на четвереньках из свинарника и стал умолять мясника пощадить его. Но как ни напуган был наш святой отец, мясник и его жена перепугались не меньше: они решили, что прогневили святого Франциска тем, что прозвали поросят своих монахами, и, став на колени перед несчастным толстяком, начали вымаливать прощение у святого Франциска и у всего ордена за учиненное ими кощунство. И вышло так, что монах молил мясника пощадить его, а мясник и его жена молили его о том же, и целых четверть часа ни та, ни другая сторона не могли разобраться, что же, собственно, с ними со всеми приключилось. Наконец монах, убедившись, что мясник не хочет ему зла, рассказал, что заставило его полезть в свинарник, и тогда, забыв всякий страх, мясник

и его жена принялись хохотать до упаду. Монаху же было совсем не до смеха, так сильно у него болела нога. Мясник отвел его к себе в дом и сделал ему перевязку. А товарищ его, который покинул несчастного в беде, бежал всю ночь, а наутро явился в дом к сеньору Форскому с жалобой на мясника; он сказал, что злодей, верно, давно уже зарезал его приятеля, ведь тот так и не догнал его и пропал без вести. Сеньор Форский тут же послал человека в деревню Грип, чтобы узнать, что за беда приключилась с монахом; когда же выяснилось, что оплакивать его не приходится, рассказал всю эту историю госпоже герцогине Ангулемской, матери короля Франциска Первого.

– Вот, благородные дамы, как не надо подслушивать чужие разговоры и, не разобравши, в чем дело, подозревать, что против вас замыслили что-то недоброе.

– Я был уверен в том. что Номерфида не заставит нас плакать и что мы посмеемся, – сказал Симонто. – Мне кажется, теперь все со мною согласны.

– Это только доказывает, – заметила Уазиль, – что мы более склонны смеяться над глупостью, чем над вещами разумными.

– Все дело в том, – сказал Иркан, – что такие вот глупости нам по душе, они ближе нашей природе, которая сама по себе отнюдь не благоразумна. Каждый следует своей склонности: люди легкомысленные увлекаются глупостями, а степенные внимают голосу разума. Но я думаю, – добавил он, – что история эта потешит всех, и степенных и безрассудных.

– Есть и такие, – сказал Жебюрон, – в ком столько серьезности, что ничто не в силах заставить их рассмеяться: радость свою они таят про себя, а внешне всегда так невозмутимы, что, кажется, ничто не может их вывести из равновесия.

– Где это вы таких видели? – спросил Иркан.

– Это философы древности, – ответил Жебюрон, – они почти не чувствовали ни горя, ни радости, так они ценили способность побеждать самих себя и овладевать своими страстями.

– Я тоже считаю, что дурные страсти следует побеждать, – сказал Сафредан, – но что касается естественных человеческих чувств, которые никому не приносят вреда, то, по-моему, побеждать их совершенно незачем.

– Однако древние почитали такую победу за величайшую добродетель, – сказал Жебюрон.

– Но ведь нигде не сказано, что все они были мудры, – возразил Сафредан, – иногда в том, что они говорили, была только одна видимость добродетели и здравого смысла, а в действительности того и другого было совсем мало.

– И тем не менее, как видите, они осуждали все дурное, – продолжал Жебюрон, – и даже Диоген попирает ложе Платона, который, по его мнению, был слишком падок до знаний. Чтобы доказать, что он презирает и повергает под свои стопы самонадеянность и неуемную жадность Платона*, он ведь говорит: «Я ни во что не ставлю и презираю гордыню Платона».

– Но вы не договариваете до конца, – сказал Сафредан, – Платон возразил Диогену, что и Диоген сам находится под властью гордыни, хоть и другого рода.

– Ну, уж если говорить правду, – сказала Парламанта, – то мы действительно не в состоянии сами победить свои страсти, не пробудив в себе удивительной гордыни, а это порок, которого каждый должен больше всего страшиться: он ведь губит и сводит на нет все наши добродетели.

– Разве я вам не читала сегодня утром, – сказала Уазиль, – о том, как те, которые считали себя умнее всех остальных, разумом своим дойдя до признания Бога, Создателя всего сущего, приписывали эту заслугу себе самим, а не тому, кому она в действительности принадлежит? Полагая, что добились всего собственными усилиями, они стали не только невежественнее и безрассуднее всех прочих людей, но, больше того, уподобились грубым скотам! Ибо, впав в заблуждение духом и приписав себе то, что принадлежит одному только Богу, они заблуждения

свои перенесли и на тело, забыв свой пол и извратив его суть, как то нам указует святой Павел в Послании своем*, обращенном к римлянам.

– Прочтя это послание, – сказала Парламанта, – каждый из нас должен будет признать, что телесные проявления греховности нашей – не что иное, как плоды душевного неустройства, которое, чем больше оно прикрыто добродетелью и чудесами, тем более для нас опасно.

– Что до нас, мужчин, – сказал Иркан, – то мы ближе к спасению, чем вы, женщины, ибо, не скрывая поступков наших, мы хорошо знаем их истоки. Вы же боитесь выставить дела свои напоказ и так стараетесь их приукрасить, что сами едва ли знаете истоки той гордыни, которая таится за столь привлекательным обличьем.

– Поверьте, – сказала Лонгарина, – что в тех случаях, когда словом своим Господь не указует нам, сколь ужасно неверие, которое, подобно проказе, забирается в наше сердце, он оказывает нам большую милость тем, что заставляет нас споткнуться и совершить проступок, о котором все узнают и который делает явным сокрытое в нас зло. И блаженны те, кого вера привела к такому смирению, что им не надо испытывать свою греховность подобными средствами.

– Но послушайте, – воскликнул Симонто, – до чего же мы, однако, договорились: мы начали с разговоров о великой глупости, а кончили тем, что пустились в философию и богословие; оставим же эту область тем, кто лучше нас умеет витать в облаках, и давайте спросим у Номерфиды, кому она предоставит слово.

– Я предоставляю его Иркану, – ответила Номерфида, – но прошу его не задевать женскую честь.

– Слова ваши как нельзя лучше к месту, – сказал Иркан, – ибо история, которую я приготовился рассказать, как раз такова, что удовлетворит все вкусы. Услыхав ее, вы убедитесь в том, что природа как женщин, так и мужчин сама по себе подвержена любому пороку, если ее не оберегает тот, которому мы бываем обязаны любою победой; и чтобы, слыша только то, что прославляет вашу честь, вы не возомнили о себе слишком много, я расскажу вам об одном истинном происшествии, которое подтвердит мою мысль.

Новелла тридцать пятая

Некая дама из Памплоны, полагая, что любовь духовная не таит в себе никаких опасностей, попыталась снискать расположение одного монаха-францисканца. Но ее находчивый супруг, не подав виду, что он что-нибудь знает, заставил ее возненавидеть того, кого она больше всего любила, и с тех пор она безраздельно посвятила жизнь свою мужу

В городе Памплоне жила одна дама. Она была хороша собой, а добродетелью своей, целомудрием и благочестием снискала к себе всеобщее уважение. Она любила своего мужа и была так ему послушна, что он ей во всем доверял. Эта дама посещала все мессы и проповеди и убеждала мужа и детей следовать ее примеру. Когда она достигла тридцати лет, то есть того возраста, когда обычно перестают говорить о красоте женщин и больше говорят об их скромности и благоразумии, она отправилась в один из первых дней поста в церковь, чтобы помянуть усопших и услыхать там проповедь одного францисканца, которого весь народ почитал святым за его строгий нрав и за беспримерное воздержание, сделавшее его худым и бледным, но не мешавшее ему при этом оставаться красивейшим из мужчин. Дама благочестиво выслушала его проповедь, не спуская с него глаз и внимая всему, что он говорил. И сладость его речей проникла в самое ее сердце и так поразила ее ум, что она была совершенно им очарована. Едва только проповедь окончилась, она постаралась отыскать придел, где монах должен был служить мессу, и когда он возлагал ей на лоб пепел*, она не могла оторвать глаз от его руки, которая была так тонка и так бела, что ей позавидовала бы любая женщина. И больше, чем на пепел, она смотрела на его руку. Будучи уверена в том, что ни такая вот духовная любовь, ни те наслаждения, которые она приносит, ничем не потревожат ее совести, она стала каждый день слушать мессу и приводила с собою в церковь мужа. Оба они так восторгались проповедником, что дома у себя только об этом и говорили. И пыл любви, которую она считала возвышенной, в действительности был столь плотским, что воспламенившееся сердце стало жечь несчастной все тело; и хоть она долго не замечала, как разгорается огонь, – вспыхнув, он мгновенно охватил ее всю, и страсть овладела ею. И, захваченная врасплох врагом своим Амуром, она дала себя победить, ибо противиться у нее не было сил. Но главная беда заключалась в том, что единственный из смертных, который способен был исцелить ее от этого недуга, ничего о нем не подозревал. И вот, откинув всякий страх, который мешал ей открыть свое безрассудство перед столь рассудительным человеком и выставить напоказ свой порок перед тем, чья жизнь была добродетельна и непорочна, она написала о чувстве, которое она питала к нему, очень осторожно и робко. Письма же свои она вручила маленькому пажу и послала его отнести их во францисканский монастырь, наказав ему не попадаться на глаза ее мужу. Направившись туда кратчайшей дорогой, паж прошел по улице, где как раз в это время в одной из лавок сидел его господин. Тот заметил его: ему захотелось узнать, куда он идет, но, завидев хозяина, паж тут же поспешил укрыться в соседнем доме. Господин его пошел туда и, поймав мальчишку, взял его за руку и спросил, куда это он отправился. А когда он увидел его испуганное лицо и услыхал в ответ какие-то бессвязные извинения, то пригрозил, что побьет его, если он не признается, куда он так спешит. Тогда бедный паж промолвил:

– Худо мне будет, ваша милость, – если я скажу вам, госпожа меня за это убьет.

Дворянин решил, что жена его захотела потихоньку от него что-то купить, и уверил пажа, что если он скажет правду, ему ничего не будет, если же соврет, то он на всю жизнь упрячет его в тюрьму. Тогда маленький паж, чтобы избежать беды и спасти себя, поведал господину своему обо всем и показал ему письма, которые жена его написала монаху. Того это и поразило и огорчило, ибо он всю жизнь был уверен, что жена неспособна его обмануть, – у него ни

разу не было повода в чем-либо ее заподозрить. Но, будучи человеком рассудительным, он скрыл свой гнев – и, чтобы доподлинно узнать все помыслы жены, сам написал ей ответное письмо от имени проповедника, в котором писал, что благодарен ей за ее чувства и что сам он к ней питает любовь. Почерк свой он изменил, и паж, поклявшийся действовать со всей осторожностью, отнес это письмо своей госпоже, которая так обрадовалась, что муж заметил сразу же перемену в ее лице: вместо того чтобы похудеть от поста, она стала выглядеть еще более цветущей и красивой.

Пост уже кончался, но дама и на Страстной неделе, и на святой по-прежнему писала проповеднику свои исступленные письма. И когда монах обращал глаза в ее сторону, ей чудилось, что все это он делает из любви к ней, и взглядами своими она старалась показать ему, что все это видит. Муж же продолжал писать ей такие же пламенные ответы. А после Пасхи он от имени проповедника написал ей, что просит ее указать место и время, где и когда он мог бы с ней втайне встретиться. Ей не терпелось увидеться с ним, и она уговорила мужа съездить в их загородные поместья. Муж обещал, что поедет, а сам вместо этого спрятался в доме своего приятеля. Дама тотчас же написала предмету своей любви, что тот может прийти к ней, потому что муж ее отлучился. Решив испытать сердце жены до конца, дворянин отправился сам к проповеднику и попросил его ради всего святого одолжить свое одеяние. Тот, будучи человеком благочестивым, ответил, что это противно церковным правилам и что он никак не может этого сделать. Тогда дворянин заверил монаха, что не причинит ему никакого вреда и что это необходимо для блага его и спасения, и францисканец, знавший его как человека честного и набожного, согласился. И тогда дворянин положил в башмаки пробки, чтобы стать одного роста с монахом, приделал себе бороду и нос, чтобы походить на него, и прикрыл лицо капюшоном, так что видны были одни только глаза. И вот, в таком виде он явился вечером в комнату жены, которая благоговейно его ожидала. Эта дурочка даже не дождалась, пока он подойдет к ней, но, совсем обезумев, сама бросилась его обнимать. Он же, боясь быть узнанным, наклонил голову и начал креститься, делая вид, что хочет уйти, и повторяя все время: «Искушение! Искушение!»

– Увы, отец мой, вы правы, – сказала влюбленная в него дама, – нет ведь на свете сильнейшего искушения, чем любовь, вы обещали мне исцелить меня от нее, – теперь, когда настал для этого час, молю вас, сжальтесь надо мной.

Говоря это, она пыталась обнять его, а он бегал по комнате из угла в угол, и, отстраняя ее от себя крестным знамением, продолжал кричать: «Искушение! Искушение!» Когда же он увидел, что она готова на все, он вынул из-под рясы толстую палку и так исколотил ее, что отбил у нее всякую охоту к греху, причем она так и не узнала, кто ее бил. После чего он немедленно отдал монаху взятое одеяние и заверил его, что оно принесло ему счастье.

На следующий день он явился домой, как бы возвращаясь из поездки, и нашел жену в постели. Притворившись, что ничего не знает, он спросил ее, чем она больна; она ответила, что простудилась и не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Муж, которому хотелось посмеяться, сдержался, однако, и, чтобы доставить ей удовольствие, сказал ей в конце дня, что пригласил к ужину святого отца. Тогда она неожиданно воскликнула:

– Друг мой, никогда не зовите этих людей к себе в дом, они приносят несчастье всюду, где только появятся.

– Может ли это быть, дорогая, – возразил муж, – вы мне так расхваливали этого проповедника! Что до меня, то я думаю, что на свете нет человека праведнее, чем он!

– Да, люди эти хороши в церкви и когда они проповедуют, а когда они приходят к нам в дом, это сущие антихристы. Прошу вас, друг мой, не заставляйте меня встречаться с ним, я и так больна, а это сведет меня в могилу.

– Что же, раз вы не желаете его видеть, – ответил ей муж, – вы его не увидите, но ужинать с ним я все-таки буду.

– Поступайте как хотите, – сказала она, – но только чтобы он не попадался мне на глаза; таких людей я ненавижу, как самого дьявола.

Угостив святого отца ужином, муж сказал ему:

– Отец мой, Господь так возлюбил вас, что он не откажет вам ни в какой просьбе; поэтому, прошу вас, пожалейте мою бедную жену, которая уже целую неделю одержима злым духом – ей хочется всех кусать и царапать. И ничто не помогает: ни распятие, ни святая вода. Но я верю, что как только вы возложите на нее руку, дьявол изыдет из нее, и умоляю вас это сделать.

– Сын мой, – ответил монах, – тот, в ком есть вера, может все на свете. Не правда ли, вы ведь верите твердо, что Господь наш благостен и никогда не отказывает тому, кто о чем-нибудь его просит с верой?

– Я в этом убежден, отец мой, – сказал дворянин.

– Поверьте также, сын мой, – сказал монах, – что Господь всесилен и что могущество его не уступает его доброте. Итак, будем крепки нашей верой, чтобы справиться с этим львом рыкающим и вырвать у него добычу, которая принадлежит Господу, ибо Господь пролил за нее кровь сына своего Иисуса Христа.

И дворянин повел проповедника в комнату, где на кушетке лежала его жена. Увидав его, она поразилась, ибо нисколько не сомневалась, что это именно он ее избивал, и пришла в страшный гнев. Но присутствие мужа ее сдержало, она опустила глаза и умолкла. Тогда муж ее сказал святому отцу:

– Пока я около нее, дьявол ее не мучает, но вот я уйду, покропите ее святой водой – и вы увидите, что злой дух примется за дело.

Он оставил его одного с женой, а сам притаился около двери, чтобы посмотреть, что будет. Когда жена его увидела, что, кроме монаха, в комнате никого нет, она начала кричать, как одержимая, называя его злодеем, негодяем, убийцей, предателем. Святой отец, решив, что в нее действительно вселился дьявол, хотел возложить ей руки на голову и прочесть над нею молитвы, но она исцарапала и искусала его так, что ему пришлось отойти и говорить с ней на расстоянии. И, обильно окропив ее святой водой, он стал читать молитвы. Когда муж увидел, что монах исполнил все, что было в его силах, он вошел в комнату и начал благодарить его за труды. Едва только женщина увидела мужа, как она тут же умолкла, ибо боялась его, и смиренно приложилась к распятию. Святой отец, видевший ее исступление и ярость, был уверен, что Господь внял его молитвам и изгнал из нее злого духа. И он воздал хвалу Господу за великое чудо. Что же касается супруга ее, то, видя, что жена его избавилась от своей безрассудной страсти, он не стал рассказывать ей, что он для этого сделал: ему достаточно было того, что благоразумием своим он справился с ее чувством и заставил жену смертельно ненавидеть человека, которого она так любила. И, проклиная себя за былое безумие, она с этих пор вся предалась мужу и с еще большим рвением стала заботиться о нем и заниматься делами по дому.

– Итак, благородные дамы, вы можете судить сами, насколько был благоразумен муж и насколько легкомысленна была его жена, и я думаю, что, когда вы как следует заглянете в это зерцало, вы перестанете полагаться на свои собственные силы и будете всякий раз обращаться к тому, в чьих руках находится ваша честь.

– Я очень довольна, – сказала Парламанта, – что вы сделались проповедником и стали поучать дам. И мне было бы еще приятнее, если бы вы обращали такие прекрасные проповеди к каждой, с которой вы говорите.

– Уверяю вас, – сказал Иркан, – что всегда, когда вам угодно будет меня послушать, вы ничего другого от меня не услышите.

– Иркан хочет этим сказать, – поправил его Симонто, – что в ваше отсутствие он будет рассказывать нечто иное.

– Пусть поступает, как ему угодно, – сказала Парламанта, – но для моего собственного спокойствия мне хочется думать, что он и без меня будет говорить то же самое, что при мне. Во всяком случае, пример, который он привел, полезен для тех, кто считает, что любовь духовная не опасна. Мне вот кажется, что она, напротив, опаснее всякой другой.

– А мне кажется, – сказала Уазиль, – что любить человека честного, добродетельного и богобоязненного вовсе не так уж зазорно и что от этого сама становишься лучше.

– Госпожа моя, – сказала Парламанта, – поверьте мне, что нет ничего легче, чем обмануть женщину, которая никогда не любила. Ведь любовь – это такое чувство, которое овладевает сердцем раньше, чем это заметишь сама, и чувство это так приятно, что, если оно еще прикрывается добродетелью, распознать его невозможно до тех пор, пока не случится какая-нибудь беда.

– А какая же может случиться беда, если полюбишь человека честного? – спросила Уазиль.

– Госпожа моя, – ответила Парламанта, – на свете есть немало людей, которых считают порядочными. Но таких, которые были бы порядочны в отношении женщин и превыше всего оберегали их честь, в наше время не найдется ни одного; женщины, которые доверяются им и держатся на этот счет иного мнения, в конце концов бывают обмануты – и, начав с любви, посланной от Бога, кончают другой, которая идет от дьявола. Самой мне довелось видеть немало женщин, чья любовь начиналась с разговоров о Боге и которые потом уже не могли вернуться вспять, даже если бы хотели, – им было не освободиться от плена, в который их повергало высокое обличие этой любви. Порочная страсть кончается сама собой и не может долго жить в добродетельном сердце, а любовь возвышенная обвивает вас шелковыми сетями, и запутавшиеся в них не сразу их замечают.

– После ваших слов, – сказала Эннасюита, – пожалуй, ни одна женщина не захочет любить мужчину. Но ваш закон так суров, что долгого действия он иметь не может.

– Я хорошо это знаю, – сказала Парламанта, – но это не помешает мне хотеть, чтобы все женщины довольствовались своими мужьями, как я довольствуюсь своим.

Задетая этими словами, Эннасюита вся вспыхнула и сказала:

– Вы что же, думаете, что у всех такое же сердце, как у вас, – или, может быть, вы считаете себя выше всех?

– Давайте лучше спросим, кому Иркан предоставит слово, – сказала Парламанта, желая избежать ссоры.

– Я передам его Эннасюите, – сказал он, – чтобы она могла возразить моей жене.

– Так как теперь я имею на это право, – сказала Эннасюита, – я не стану щадить ни мужчин, ни женщин, чтобы быть и к тем и к другим справедливой. Я вижу, что сердце ваше никак не соглашается с тем, что мужчины бывают добродетельны и добры, и поэтому расскажу вам следующую историю.

Новелла тридцать шестая

Председатель гренобльского суда мстит писцу, соблазнившему его жену, а потом, спасая честь своего дома, отравляет прелюбодейку салатом

В городе Гренобле был когда-то председатель суда, имени которого я не стану называть и скажу только, что он был иностранец*. У него была красавица жена, и жили они с ней в мире и дружбе. Но, так как председатель был уже в летах, жена его влюбилась в молодого писца по имени Николя. Едва только утром муж отправлялся в суд, как Николя приходил к ней в спальню и занимал его место. Это заметил один из лакеев председателя суда, служивший у него уже тридцать лет. Будучи предан своему господину, он не мог удержаться и рассказал ему все, что видел. Но председатель был человек разумный и осторожный; он не поверил лакею на слово, решив, что тот просто хочет вселить раздор между ним и женой, и сказал, что если все действительно так, то пусть он ему это сначала докажет. Если же сам он ничего не увидит своими глазами, он будет думать, что его старый слуга все сочинил, чтобы поссорить его с женой. Лакей обещал ему устроить так, что он все увидит собственными глазами, и вот однажды утром, когда председатель отправился в суд, а Николя явился к его жене, он послал одного из своих приятелей известить господина, что тот может прийти, сам же остался караулить у двери, чтобы Николя не сумел убежать. Как только председатель увидал одного из своих слуг, делавшего ему знаки, он покинул суд, сказав, что почувствовал себя плохо, и поспешил домой. Старый лакей, все время стоявший у двери, доложил своему господину, что Николя недавно только пришел и сейчас находится у его жены. Председатель сказал ему:

– Никуда не отходи и не открывай этой двери, ты ведь знаешь, что выйти из комнаты он может только сюда, маленькая комната заперта, и ключ у меня в кармане.

После этого председатель вошел в спальню жены и увидел, что жена его вместе с Николя лежит в кровати. Писец, как был, в одной рубашке кинулся к его ногам и стал молить о пощаде; жена же залилась слезами. Тогда председатель сказал:

– Оба вы хорошо понимаете, что вы сделали, но я не хочу, чтобы дом мой был обесчещен и дочери мои узнали об этом позоре. Поэтому перестань сию же минуту плакать и выслушай, что я тебе скажу; ты же, Николя, спрячься в этой каморке и сиди там тихо.

А когда писец в точности все исполнил, он открыл дверь, позвал старика лакея и сказал ему:

– Ты уверял меня, что я увижу Николя вместе с моей женой. Я тебе поверил; я пришел сюда и готов был убить мою бедную жену. И что же – я ничего не увидел. Я обыскал всю комнату, и ты можешь сейчас убедиться сам, что тут никого нет.

После чего он заставил лакея обыскать все углы и заглянуть под кровать. Тот ничего не обнаружил и сказал своему господину:

– Должно быть, сам черт его отсюда унес, я же своими глазами видел, как он входил; через дверь он выйти не мог, а сейчас его, конечно, здесь нет.

– Плохо же ты мне служишь, – сказал его господин, – если хочешь поссорить меня с женой; поэтому получай расчет и уходи прочь, а за службу твою ты получишь все, что я тебе должен, да еще с надбавкой. Только убирайся отсюда поскорее, и чтобы через двадцать четыре часа духу твоего не было в нашем городе.

Председатель заплатил ему за пять-шесть лет вперед: он знал, что старик ему предан, и рассчитывал, что и впредь он еще чем-нибудь облагодетельствует своего верного слугу. А когда лакей, заплакав, ушел, он вызвал Николя из его убежища и, высказав ему и жене все, что он думал об их мерзком поступке, запретил им кому бы то ни было говорить об этом. И

он приказал жене по вечерам одеваться в самые лучшие наряды и бывать на всех собраниях, празднествах и танцах, а Николя принимать у себя в доме еще радушнее, чем раньше. Но он поставил ему одно условие: как только он шепнет ему «убирайся прочь!», тот должен не позднее чем через три часа исчезнуть из города. После чего председатель как ни в чем не бывало вернулся в суд. И, вопреки обыкновению, он целых две недели пировал со своими соседями и друзьями. А после пиршества всегда играла музыка и бывали танцы. Однажды, увидав, что жена его не танцует, он велел Николя пригласить ее танцевать, и тот, решив, что гнев его уже простыл, с радостью это сделал. Но как только танец окончился, председатель позвал его, как будто собираясь отдать ему какое-то распоряжение, и шепнул ему на ухо:

– Убирайся прочь, и чтобы духу твоего тут не было.

Разлука с любимой очень опечалила Николя, но он был рад, что спас себе жизнь. Председатель же, показав всем родным и знакомым, как он любит жену, в один прекрасный день – а это было в мае – нарвал у себя в саду какой-то травы. И после того, как его жена отведала салат из этой травы, она умерла, не прожив и суток. И муж ее так горевал, оплакивая свою утрату, что никому в голову не могло прийти, что виновник ее смерти – он сам. Так, отомстив за все, он сохранил незапятнанной честь своего дома.

– Благородные дамы, я вовсе не хочу утверждать, что председатель этот прав, но хочу только, чтобы вы видели, сколь легкомысленна была эта женщина и сколь выдержан и осторожен ее муж. И прошу вас, благородные дамы, – не сердитесь на правду, которая иногда бывает и против вас, и против мужчин. Ведь как мужчинам, так и женщинам свойственны и добродетели и пороки.

– Если бы всем, кто грешит со своими слугами, приходилось отведывать такие салаты, – сказала Парламанта, – то я уверена, что многие потеряли бы всякий вкус к садоводству и повыдергали бы из своего сада все травы, дабы их когда-нибудь не попотчевали той, что спасает честь дома и губит неверную жену.

Иркан, который отлично понял, почему она это сказала, в гневе воскликнул:

– Порядочная женщина никогда не должна осуждать другую, что бы та ни сделала.

– Знать что-нибудь не значит еще осуждать и делать глупость, – ответила Парламанта, – эта бедная женщина понесла наказание, которого заслуживают многие. И я думаю, что поведение ее мужа, коль скоро он уж задумал ей отомстить, было на редкость благоразумно и выдержанно.

– И к тому же еще очень коварно, – сказала Лонгарина. – Это была хорошо продуманная и жестокая месть, и она доказывает, что у человека этого не было ни совести, ни страха Божия.

– А что же он, по-вашему, должен был сделать, чтобы отомстить за самое страшное оскорбление, которое женщина может нанести мужчине? – спросил Иркан.

– Лучше бы он убил ее в порыве гнева, – воскликнула она, – богословы говорят, что тогда грех этот может быть прощен, ибо в такие минуты человек не владеет собой, и даже суд мог оправдать убийцу.

– Да, – сказал Жебюрон, – но тогда и дочери его, и весь род были бы на веки вечные опозорены.

– Ему не надо было ее отравлять, – сказала Лонгарина, – первый порыв гнева все равно ведь уже прошел, и она спокойно могла бы прожить с ним до конца дней как женщина честная и никогда об этом больше не вспоминать.

– Неужели вы думаете, – возразил Сафредан, – что, ежели он скрывал свой гнев, сердце его действительно успокоилось? Мне, например, кажется, что в тот последний день, когда он готовил свой салат, гнев этот был столь же велик, как и в первый. Он, должно быть, был из тех людей, у которых ярость длится до тех пор, пока они не приведут в исполнение все, что

задумали. Мне особенно приятно слышать от вас, что богословы считают такой грех заслуживающим прощения, потому что сам я думаю так же.

– Когда говоришь с такими опасными людьми, как вы, – сказала Парламанта, – надо, оказывается, взвешивать каждое свое слово. Но ведь так оно и есть на самом деле: когда страсть сильна, она сразу захватывает человека целиком, и разум уже не может совладать с нею.

– Я тоже присоединяюсь к вашему мнению, – сказал Сафредан, – и хочу сделать из этого вот какой вывод: если человек любит кого-либо до безумия, то всякий его грех заслуживает прощения, ибо я уверен, что, когда человек опутан сетями страсти, и сердце его и разум глухи ко всему на свете. Сказать по правде, все вы испытали на себе силу этого безумного чувства, и я убежден, что такой грех не может прогневить Господа. Это ведь и есть та ступень, которая ведет к совершенной любви к Богу, ибо человек, не испытавший любви земной, никогда не постигнет небесной. Ведь в Послании апостола Иоанна говорится*: «Как вам возлюбить Бога незримого, если вы не можете возлюбить того, кого зрите перед собой?»

– Самые прекрасные евангельские слова вы ухитряетесь толковать на свой лад, – сказала Уазиль, – но бойтесь уподобиться пауку, который способен отравить своим ядом любую пищу. Помните, что не следует применять тексты Священного писания, когда к этому нет никакой нужды.

– Вы, что же, считаете, что вообще нет никакой нужды говорить правду? – воскликнул Сафредан. – Вы хотите этим сказать, что, когда, говоря с вами, не доверяющими нам, мы призываем себе на помощь Бога, мы произносим имя его всуе. Но если в этом и есть какой-то грех, наказать за него надо вас, ибо, стараясь победить ваше недоверие, мы боремся с ним всеми возможными средствами. Только, что бы мы ни делали, нам все равно никак не удается разжечь огонь милосердия в ваших оледеневших сердцах.

– Это доказывает только, что все вы лжете, – сказала Лонгарина, – ибо, если бы в словах ваших была истина, сила их была бы столь велика, что ей нельзя было бы воспротивиться. Но скорее приходится опасаться, что дочери Евы слишком уж легко верят словам змия.

– Я отлично понимаю, Парламанта, – сказал Сафредан, – что мужчины бессильны переубедить женщин. Поэтому я умолкаю, чтобы узнать, кому Эннасюита передаст сейчас слово.

– Передаю его Дагусену, – сказала она, – ибо я уверена, что он не станет говорить ничего обидного для дам.

– Дал бы бог, – сказал Дагусен, – чтобы они относились ко мне так хорошо, как я к ним. А для того, чтобы доказать вам, насколько я стараюсь чтить женщин добродетельных, вспоминая их благие поступки, я расскажу вам одну историю. Я не стану умалять силу терпения дворянина из Памплоны и гренобльского председателя суда*, но ведь и сила их мести была не меньше. А когда мы хотим воздать кому-то хвалу как человеку добродетельному, нельзя ставить ему в заслугу какое-то одно его качество, так как нередко оно может скрывать некий глубокий порок. Достоин хвалы только тот, кто ведет себя благородно из одной лишь любви и добродетели, пример чего мне хочется привести вам, рассказав о долготерпении одной добродетельной женщины, которая добрыми поступками своими преследовала одну только цель: угодить Господу и спасти своего мужа.

Новелла тридцать седьмая

Госпожа де Луэ своим большим терпением и выдержкой сумела так повлиять на мужа, что спасла его от дурных страстей, которым он предался, и после этого они зажили лучше, чем раньше

Одна дама, принадлежавшая к роду Луэ*, была так добродетельна и умна, что все соседи относились к ней с уважением и любовью. Муж, как того и следовало ожидать, доверял ей все свои дела, и она вела их так разумно, что благодаря ей дом их стал одним из самых богатых и лучше всего украшенных и в Анжу, и в Турени.

После того как она прожила с мужем довольно долго и родила ему нескольких детей, благополучию семьи пришел конец, как это обыкновенно и случается в жизни. Муж ее, которому надоела спокойная жизнь, стал искать развлечений на стороне. И у него вошло в привычку, едва только жена его засыпала, вставать с постели и уходить куда-то из дому, чтобы вернуться лишь поутру. Госпожа де Луэ была так этим огорчена и ее снедала такая ревность, что, хотя она и старалась ничем ее не выказать, она забросила все домашние дела, перестала заботиться о себе и о семье; ей казалось, что все труды ее напрасны, ибо она потеряла главное – любовь мужа, ради которой ей можно было не щадить своих сил. И, увидав, что муж ее окончательно разлюбил, женщина эта стала с таким небрежением относиться к хозяйству, что скоро все заметили запустение, в которое пришел их дом. Муж направо и налево тратил деньги, она же ничего больше не касалась, и от этого богатство их пошло прахом, и в конце концов пришлось вырубать леса и закладывать земельные угодья. Один из ее родственников, хорошо знавший причину этого разорения, дал ей понять, какую ошибку она совершает, и образумил ее, сказав, что, как ей все ни постыло из-за того, что муж к ней охладел, она должна подумать о своих ни в чем не повинных детях. И жалость к детям помогла ей воспрянуть духом, и она стала всеми средствами стараться вернуть утраченную любовь супруга. И вот однажды, проследив, когда муж ее встал и ушел, она сама встала вслед за ним, прибрала постель и, читая часослов, стала дожидаться его возвращения. Когда же он вернулся, она встретила его, поцеловала и принесла ему воды вымыть руки. Такое поведение жены очень его удивило, и он сказал ей, что отлучался только в отхожее место и что ей из-за этого вовсе не стоило вставать. Она же ответила, что это не составляет для нее никакого труда и что, вернувшись из грязного и поганого места, человеку пристало всегда вымыть руки, – стараясь дать ему этим понять, сколь беспутна и отвратительна его жизнь. Он нисколько после этого не исправился, но жена его продолжала и впредь вести себя так же. Когда же она убедилась, что все усилия ее были напрасны, она однажды, не дождавшись мужа, который на этот раз замешкался дольше, чем обычно, надумала пойти за ним. И, начав обходить все комнаты, она вдруг нашла его в гардеробной, где он спал с самой безобразной и неопрятной из служанок, какая была у них в доме. Она тут же решила, что проучит его и покажет, как бросать порядочную женщину ради какой-то грязной потаскухи: она взяла пук соломы, положила его посреди комнаты и зажгла. Но как только она сообразила, что муж задохнется от дыма раньше, чем успеет понять, что случилось, она схватила его за руку и закричала:

– Пожар! Пожар!

Можно себе представить, как стыдно стало мужу и как он был огорчен тем, что жена его, женщина столь добродетельная, застала его с этой потаскухой. Тогда жена сказала ему:

– Дорогой мой, еще год тому назад я пыталась вытащить вас из этой грязи терпением моим и лаской и дать вам понять, что чистыми должны быть не только одежда и тело, но и душа. Но когда я увидела, что все мои старания были напрасны, я, скрепя сердце, решила

прибегнуть к помощи стихии, которая могла бы положить конец всему, и должна сказать, что, если и она не поможет вам исправиться, я далеко не уверена, что второй раз буду спасать вас от опасности так, как я это сделала сегодня. Я умоляю вас подумать о том, что ни одно горе не причиняет столько страданий, как любовь, и, если бы мыслями моими я непрестанно не устремлялась к Господу, я не перенесла бы всего, что выпало на мою долю.

Муж, радуясь, что так дешево отделался, обещал жене, что никогда больше не даст ей повода мучиться из-за него; она поверила ему и с его позволения выгнала из дому ту, которая была ей так мерзка. И с этого дня они зажили в таком мире и согласии, что даже содеянные ранее ошибки послужили к еще большему их сближению.

– Молю вас, благородные дамы, если Господь ниспошлет вам таких мужей, не отчаивайтесь до тех пор, пока не испробуете всех возможных средств для их вразумления. Ведь в сутках двадцать четыре часа, и за это время человек может перемениться. Женщина же должна чувствовать себя счастливее, когда завоюет сердце мужа терпеливым и длительным ожиданием, чем тогда, когда судьба или родители сыщут ей такого, который будет самим совершенством.

– Вот пример, которому должны следовать замужние женщины, – сказала Уазиль.

– Пусть ему следует кто хочет, – возразила Парламанта, – но что до меня, то я была бы неспособна столько времени терпеть. Ибо, хотя терпение и является всегда добродетелью, к которой надо стремиться, я считаю, что в супружеской жизни это порождает вражду, потому что человек, терпящий оскорбление от себе подобного, вынужден бывает все больше от него отчуждаться, а отчуждаясь – начинает презирать того, кто нанес ему эту обиду. Презрение же это понемногу съедает и самое любовь, ибо любить можно только то, что ты уважаешь.

– Но может случиться и так, – сказала Эннасюита, – что женщине нетерпеливой достанется муж очень лютый и вместо терпения она обретет с ним одно только горе.

– А что же еще мог сделать муж, кроме того, о чем нам только что рассказали? – спросила Парламанта.

– Что он мог бы сделать? – воскликнула Эннасюита. – Да он мог отколотить жену, положить ее спать на кушетку*, а в постель к себе взять любовницу.

– По-моему, – сказала Парламанта, – для женщины порядочной тягостнее всего не то, что муж изобьет ее в гневе, а то, что он ее оставляет, предпочитая ей женщину, которая ее не стоит. А после того, как она перенесет это горе, она, конечно, больше уже не будет так сокрушаться, что бы муж ее ни сотворил. К тому же из слышанного нами рассказа явствует, что женщина эта особенно старалась спасти детей, и этому можно поверить.

– Вы, значит, думаете, что для того, чтобы поджечь постель, в которой спал ее муж, понадобилось много терпения! – воскликнула Номерфида.

– Да, – ответила Лонгарина, – ведь как только она увидела дым, она его разбудила. В этом-то и заключалась ее самая большая ошибка, – таких мужей надо превращать в золу, чтобы потом стирать этой золой белье.

– Вы жестоки, Лонгарина, – сказала Уазиль, – но ведь сами-то вы так не поступили со своим мужем?

– Нет, – ответила Лонгарина, – слава богу, он не дал мне к этому повода, – жалеть мужа я буду всю жизнь, а жаловаться мне на него не за что.

– А если бы он относился к вам так, как тот, о ком вы только что слышали, – спросила Номерфида, – как бы вы тогда поступили?

– Я так его любила, – ответила Лонгарина, – что, случись это, я, вероятно, убила бы его, а потом и себя, мне было бы приятнее умереть после такого отмщения, чем жить в мире с человеком, который этот мир так постыдно нарушил.

– Получается, что все вы любите ваших мужей только для самих себя, – сказал Иркан. – Если они вам угождают, вы в них души не чаете, а стоит им совершить малейший проступок

– и они за один день лишаются всего, что заслужили за всю неделю. Вы непременно хотите властвовать. Что ж, я согласен, только пусть и все другие мужья согласятся тоже.

– Я вполне допускаю, – сказала Парламанта, – что муж может управлять нами и быть главою семьи, но бросать нас и плохо с нами обращаться он не должен.

– Установив брак, – сказала Уазиль, – Господь подумал и о муже, и о жене: если ни тот, ни другая не злоупотребляют своим положением, союз их становится поистине прекрасным и крепким. И я уверена, что все здесь присутствующие, что бы ни выражали сейчас их лица, думают так же. А так как муж должен быть разумнее жены, с него больше взыщется, если он виноват. Только довольно об этом говорить и лучше спросим, кому сейчас Дагусен предоставит слово.

– Предоставляю его Лонгарине, – сказал Дагусен.

– Мне очень приятно это слышать, – ответила Лонгарина, – у меня как раз приготовлен рассказ, который стоит вашего. Так как мы сегодня прославляем добродетель и терпение женщин, я расскажу вам о женщине еще более достойной похвал, чем та, о которой только что была речь, особенно еще и потому, что она была горожанкой, а в городе воспитанию девушек не уделяют такого внимания.

Новелла тридцать восьмая

Одна горожанка из Тура, несмотря на то что муж обращался с ней дурно, отплачивала ему за все такой добротой, что он покинул простую крестьянку, с которой предавался любовным утехам, и стал снова ласков с женою

В Туре жила некая горожанка, женщина красивая и порядочная. Достоинства ее были так велики, что муж не только любил ее, но и уважал и даже побаивался. Но, как всем мужчинам, ему тоже приелась привычная пища, и он влюбился в одну из своих мызниц. И он стал часто уезжать из Тура на мызу и оставался там по два-три дня. А возвращался он после таких поездок всегда продрогший и больной, и его бедной жене приходилось каждый раз немало возиться, чтобы его вылечить. А стоило ему только выздороветь, как он снова спешил в те же места и, предаваясь наслаждению, забывал все былые недуги. Жена его, которой были дороги и жизнь его, и здоровье, заметив, что он каждый раз возвращается оттуда в таком печальном виде, решила сама отправиться на эту мызу и нашла там молодую женщину, которую полюбил ее муж. И без всякого раздражения, но очень решительно она сказала той, что хорошо знает, что муж ее часто приезжает на мызу и что ее огорчает плохое с ним обращение: он всегда возвращается прозябший и совсем больной. Бедная женщина, как из уважения к приехавшей, так и правды ради, не могла отрицать, что это действительно так, и стала просить у нее прощения. Тогда дама пожелала увидеть постель, на которой спал ее муж; и оказалось, что она такая жесткая и содержится в такой грязи и таком беспорядке, что ей стало жаль того, кому на ней приходилось спать. Она немедленно же велела привезти туда другую кровать, простыни, стеганое одеяло и покрывало, приказала прибрать комнату и обить стены тканями, прислала туда хорошей посуды, бочку доброго вина, всяких яств и попросила мызницу, чтобы она впредь не отпускала своего любовника таким иззябшим. Муж ее не замедлил явиться туда, как обычно, и был поражен, найдя это убогое жилище в таком порядке. Он еще более поразился, когда любовница его дала ему напиться из серебряного кубка, и спросил, откуда все это у нее взялось. Бедная женщина заплакала и сказала, что все это прислано его женою, ибо, когда та увидела всю эту нищету, ей стало так его жалко, что она сама украсила эту лачугу и наказала мызнице заботиться о здоровье мужа. Увидав, сколь благородно поступила его жена, отплатив за все его зло добром, и в каком он неоплатном долгу перед нею, горожанин оставил своей любовнице денег, чтобы та ни в чем не нуждалась, а сам вернулся к жене и во всем ей признался, сказав, что, если бы не ее ласка и доброта, он, верно, никогда бы не расстался с этой утехой. И с тех пор они зажили в мире и дружбе и больше уже не вспоминали о прошлом.

– Поверьте, благородные дамы, что не так много на свете мужей, которые рано или поздно не были бы тронуты таким терпением и лаской жены, если только сердце их не совсем окаменело. Но сочащаяся по капелькам вода в конце концов может справиться и с камнем.

– У этой женщины, должно быть, не было ни сердца, ни печени, ни желчи, – сказала Парламанта.

– Чего же вам еще надо, – возразила Лонгарина, – она следовала завету Божьему: платить добром за зло.

– А я думаю, что у нее, вероятно, был какой-нибудь дружок францисканец, который и наложил на нее послушание, посоветовав ей предоставить мужу все блага в деревне, чтобы самой пользоваться такими же благами в его городском доме! – сказал Иркан.

– Такими словами вы сами выдаете свои злые помыслы, – сказала Уазиль, – вы, оказывается, способны смеяться над добрым делом. Но я склонна думать, что она была так поглощена любовью к Богу, что заботилась только о том, чтобы спасти душу мужа.

– Мне кажется, – сказал Симонто, – что у него было больше причин возвратиться к жене тогда, когда ему было холодно и неуютно на мызе, чем когда ему стало хорошо и тепло.

– Как я вижу, – сказал Сафредан, – вы придерживаетесь иного мнения, чем некий парижский богатей, который, раздевшись и улегшись спать с женой, всегда зяб, а отправляясь в погреб на свидание со своей служанкой, без шапки и босиком, причем даже зимою, никогда не чувствовал холода, и к тому же надо сказать, что жена его была красавица, а служанка – сущий урод.

– Вы разве никогда не слыхали, – сказал Жебюрон, – что Господь Бог всегда помогает полоумным, влюбленным и пьяницам. Может быть, он был одновременно и тем, и другим, и третьим?

– Уж не хотите ли вы этим сказать, – вмешалась Парламанта, – что Господь немилостив к людям целомудренным, воздержанным и разумным? Так знайте, люди, которые могут помочь себе сами, не нуждаются ни в чьей помощи. Ибо сказавший людям, что он послан исцелять страждущих*, а не здоровых, пришел по благости своей помочь нам в немощах наших и смягчать суровость законов. А тот, кто сам почитает себя за мудреца, – безумец перед лицом Господа. Но давайте закончим наш спор и спросим Лонгарину, кому она передает слово.

– Передаю его Сафредану, – сказала Лонгарина.

– Я надеюсь доказать вам, – сказал Сафредан, – что Господь не всегда помогает влюбленным, ибо знайте, благородные дамы, что, хотя здесь шла речь о том, что пороки одинаково свойственны и женщинам и мужчинам, – женщины всегда хитрее на выдумки, в чем вы очень скоро и убедитесь, выслушав мой рассказ.

Новелла тридцать девятая

Сеньор де Гриньоль изгнал из своего дома привидение, которое преследовало его жену во время его двухлетнего отсутствия

Некий сеньор де Гриньоль* из свиты Анны, королевы Французской и герцогини Бретонской, вернувшись домой после двухлетнего отсутствия, узнал, что жена его уехала оттуда и живет теперь в одном из ближайших поместий. Он стал спрашивать, почему она это сделала, и ему сказали, что в доме появилось привидение, которое так всех тревожит, что люди боятся там жить. Сеньор де Гриньоль, который не верил бредням, сказал, что, будь это даже сам дьявол, он не испугается его, и привез жену домой. Ночью он велел зажечь всюду свечи, чтобы хорошенько разглядеть привидение. Сначала он долго не ложился спать, но, так как ничего не было слышно, лег и уснул; однако тотчас же был разбужен здоровой пощечиной и услыхал вдруг голос своей покойной бабушки, кричавшей: «Benigne, Benigne!»[2] Он разбудил спавшую с ним жену, прося ее зажечь свечу, так как оказалось, что все свечи потушены, но жена побоялась встать с постели. В ту же минуту сеньор де Гриньоль почувствовал, что кто-то срывает с него одеяло, и услышал страшный шум: столы и скамейки летели на пол. И так продолжалось до самого рассвета. Сеньор де Гриньоль нисколько не испугался, так как был уверен, что никакого привидения нет, но был сильно рассержен тем, что ему не дали спать. На следующую ночь он решил непременно изловить этого духа. И вскоре после того, как лег, он притворился спящим и стал громко храпеть, а руку положил около щеки, держа ее наготове. Так он стал ждать появления духа и вдруг почувствовал, что кто-то действительно к нему приблизился. Тогда он стал храпеть еще громче. Дух мгновенно подскочил к нему и влепил ему здоровенную пощечину. Но в эту же минуту сеньор де Гриньоль схватил его и крикнул:

– Я поймал духа.

Жена сейчас же вскочила, зажгла свечи, и они увидели, что это была их собственная служанка, которая спала с ними в комнате. Опустившись на колени, она стала просить у них прощения и обещала им рассказать всю правду. А дело было в том, что она давно уже любила одного из лакеев и затеяла все это представление, чтобы изгнать из дома господ и, оставшись там вдвоем со своим возлюбленным для охраны помещения, пользоваться полной свободой. Сеньор де Гриньоль был человеком суровым и дал распоряжение отколотить обоих так, чтобы они всю жизнь помнили о своей проделке. После этого он выгнал их вон. И таким образом дом был очищен от привидений, которые там бесчинствовали целых два года.

– Не удивительно ли, благородные дамы, могущество Амура, предавшись которому женщины теряют всякий страх и готовы причинить мужчинам любой вред, лишь бы добиться своей цели? Но насколько предосудителен поступок служанки, настолько же достоин похвалы здравый смысл господина, который был убежден, что привидение исчезнет и больше никогда не вернется.

– В самом деле, – сказал Жебюрон, – Амур был на этот раз не особенно благосклонен к лакею и служанке, и нельзя не признать, что именно здравый смысл оказал хорошую услугу их господину.

– Но все-таки, – заметила Эннасюита, – благодаря хитрости своей служанка эта порядочное время смогла наслаждаться полной свободой.

---

[2] Благодарю, благодарю! (*лат.*)

– Но чего же стоила эта свобода, – сказала Уазиль, – если она зиждилась на грехе и окончилась позором и наказанием?

– Все это верно, госпожа моя, – сказала Эннасюита, – но многим людям праведная жизнь стоит большого труда и всяческих страданий, и им не удается вкусить столько наслаждений, сколько удалось этим двум.

– А я такого мнения, – сказала Уазиль, – что не может быть истинного наслаждения, если совесть у человека нечиста.

– Как же так! – воскликнул Симонто. – Итальянцы утверждают, что чем тяжелее грех, тем он больше приносит радости.

– Право же, тот, кто придумал эту поговорку, – сказала Уазиль, – сам, должно быть, не кто иной, как дьявол. Поэтому оставим этот разговор и спросим, кому Сафредан предоставит слово.

– Кому? – переспросил Сафредан. – Но ведь у нас остается одна Парламанта. Впрочем, если бы даже у нас была еще сотня рассказчиков, я отдал бы голос именно ей, а не кому другому.

– Раз мне выпало на долю закончить сегодняшний день, – сказала Парламанта, – я напомню, что еще вчера обещала вам рассказать, почему отец Роландины выстроил замок, в котором так долго держал ее узницей, и сейчас я исполню свое обещание.

Новелла сороковая

Когда сестра графа Жосбелена вышла замуж за одного дворянина потихоньку от брата, тот убил этого дворянина, несмотря на то что прежде сам не раз выражал желание с ним породниться, будь он того же рода, что и они. После чего сестра его провела остаток дней в уединении, живя самой строгой и праведной жизнью

У отца Роландины, графа де Жосбелена*, было несколько сестер, из которых одни повыходили замуж, а другие приняли монашество. Одна же замуж не выходила* и оставалась в семье. Она была красивее всех остальных и больше всего любила своего брата, который отвечал ей тем же, любя ее больше, чем жену и детей. К ней несколько раз сватались знатные женихи, но из боязни расстаться с ней, а также из-за своей большой скупости брат ее и слышать не хотел о том, чтобы она вышла замуж. И поэтому почти все свои молодые годы она провела в доме брата и вела там очень скромную жизнь. В доме этом находился один молодой и красивый дворянин, которого брат ее воспитывал с детских лет. Он вырос таким красавцем и таким достойным человеком, что одной кротостью покорил своего господина, и когда тому бывало нужно что-либо передать сестре, он всегда посылал к ней этого юношу. И он ему во всем доверял, посвящал его во все дела и во всякое время дня позволял бывать у сестры. И в конце концов молодая девушка очень привязалась к дворянину, а он – к ней. Но поелику юноша этот боялся оскорбить своего господина и поплатиться за это жизнью, а девушка боялась за свою честь, любовь их не шла дальше бесед вдвоем, хотя граф не раз говорил сестре о том, что он очень сожалеет, что юноша этот не из их рода, ибо ему никого так не хотелось бы иметь своим зятем. Он столько раз ей это повторял, что влюбленные, поговорив между собой, решили, что, если они тайно поженятся, он им это потом простит. И Амур, который всегда готов верить тому, что ему на руку, убедил их, что от этого не может произойти ничего дурного. И в надежде на это они потихоньку обвенчались, и, кроме священника и нескольких женщин, никто об этом не знал.

И после того, как они провели несколько лет вместе и вкусили все радости, какие только могут вкусить муж и жена – а более красивую чету и более нежную любовь трудно было найти во всем мире, – Фортуна позавидовала их счастью и послала им врага, который, выслеживая молодую девушку, заметил, как она счастлива, хотя и ничего не знал об их браке. И он донес графу Жосбелену, что молодой человек, которому он так безгранично доверяет, слишком часто заходит в комнату его сестры, да притом еще в такие часы, когда туда не следует заходить мужчине. Сначала граф не придал значения его словам, до того он доверял и сестре, и этому юноше. Но предатель продолжал его донимать, твердя, что ему дорога честь их дома, и в конце концов стал так следить за молодыми людьми, что те, ничего не подозревая, попались с поличным. Однажды вечером сеньора Жосбелена предупредили, что юноша находится в спальне его сестры, и когда он тут же пошел туда, то застал обоих влюбленных в постели. Ярость графа была так велика, что он не в силах был вымолвить ни слова; схватив шпагу, он погнался за несчастным юношей, готовясь его убить. Но тот был очень ловок и, видя, что ему нельзя убежать через дверь, в одной рубашке выскочил через окно в сад. А несчастная сестра бросилась раздетая на колени и стала просить графа:

– Молю вас, сеньор, пощадите жизнь моего мужа, ибо мы с ним повенчались. И если вы этим оскорблены, то накажите только меня, потому что он согласился на это по моей просьбе.

Брат ее был вне себя от гнева, и вот что он ей ответил:

– Будь он даже сто тысяч раз твоим мужем, я накажу его, как негодяя слугу, который меня обманул.

И, сказав это, он подошел к окну и крикнул людям своим, чтобы они убили молодого человека, что те тут же и сделали на глазах у его жены. Когда несчастная поняла, что все мольбы напрасны и страшное дело свершилось, она, не помня себя от горя, обратилась к брату со следующими словами:

– Брат мой, у меня нет ни отца, ни матери, и я уже в таком возрасте, когда девушка имеет право выйти замуж по своей воле. И я выбрала себе в мужья того, кого, как вы не раз говорили сами, вы хотели бы видеть моим мужем. И за то, что я поступила именно так, как желали вы, хотя по закону могла поступить иначе, вы умертвили человека, которого сами любили больше всего на свете! Что же, раз мольбы мои были бессильны спасти его от смерти, я молю вас во имя вашей любви ко мне: убейте теперь и меня, чтобы я и в смерти стала спутницей того, кого могла бы иметь спутником в жизни. Если вы поступите так и дадите волю вашему жестокому и несправедливому гневу, вы успокоите и тело и душу той, кто не может жить без любимого.

Брата ее, несмотря на то что он был вне себя от гнева, охватила такая жалость к сестре, что, не дав ей никакого ответа, он отпустил ее. А когда он узнал, что юноша этот действительно обвенчался с его сестрой, и понял, что он наделал, он стал раскаиваться в своем поступке. И, боясь, как бы сестра не обратилась к правосудию или не стала мстить ему, он построил ей замок посреди леса и, заточив ее там, запретил кому бы то ни было говорить с нею.

Спустя некоторое время, чувствуя угрызения совести, он поехал навестить ее, чтобы примириться с нею и уговорить ее выйти замуж. Но она сказала, что, однажды испробовав его угощения, она второй раз уже не сядет за стол и надеется прожить жизнь так, чтобы ему не пришлось сделаться еще раз убийцей. Ибо она все равно никогда не простит ему жестокой расправы с ее возлюбленным. И добавила, что, хоть она и слаба и бессильна отомстить ему за причиненное ей горе, она надеется, что Всевышний – справедливый судия, который не оставляет никакое зло без возмездия, – воздаст ему за все. Поэтому остаток жизни своей она посвятит Господу и будет жить, удалившись от мира. Так она и сделала и жила отшельницей в воздержании и посте, так что, когда она умерла, все стали чтить ее как святую. А после ее смерти семью ее брата постигла беда: из шести сыновей все, кроме одного, умерли жестокой смертью, и в конце концов все состояние унаследовала дочь его Роландина, которой и пришлось жить потом заточенной в замке, построенном для ее тетки.

– Я молю Бога, благородные дамы, чтобы вы извлекли урок из этого примера и чтобы ни одна из вас не возымела желания выходить замуж без согласия тех, кого надлежит слушаться каждой девушке. Ведь брачный союз заключается на долгие годы, и не следует решать этот вопрос легкомысленно и без совета добрых друзей и родных. Тот, кто поступает так, может омрачить свою радость горем.

– Право же, – сказала Уазиль, – если бы даже не было ни Бога, ни закона, которые могли бы научить девушек разуму, достаточно одного этого примера – и они поймут, что надо считаться с мнением родных, а не стараться непременно выходить замуж по своей воле.

– А я думаю, – возразила Номерфида, – что, если женщина счастлива хоть один день в году, все остальное время она уже не почувствует себя несчастной. Ей выпала на долю радость – видеть и долго говорить с тем, кого она любила больше себя. К тому же насладилась и супружеской жизнью, не омраченной никакими угрызениями совести. А я считаю, что такое наслаждение заставляет забыть все горести.

– Вы хотите этим сказать, – возразил Сафредан, – что для женщины быть в постели со своим мужем – это высшее наслаждение, за которое она готова заплатить любым горем, даже тогда, когда это горе – смерть мужа, которого убивают у нее на глазах?

– Нет, этого я не хотела сказать, – ответила Номерфида, – насколько я знаю женщин, это не так; но только я считаю, что выходящее из ряда вон наслаждение – выйти замуж за чело-

века, которого любишь больше всего на свете, – затмевает то привычное горе, каким является смерть.

– Да, – сказал Жебюрон, – если речь идет о смерти естественной; но эта смерть чересчур уж жестока, и мне кажется странным, что граф, который не был ни отцом, ни мужем этой женщины, а всего-навсего ее братом, мог решиться на такой жестокий поступок, тем более что сестра его была тогда уже совершеннолетней и имела право сама собою распорядиться.

– А мне так это ничуть не кажется странным, – возразил Иркан, – не стал же он убивать свою сестру, которую так любил и которая уже вышла из-под его власти, он убил молодого дворянина, которого воспитал, как сына, и любил, как брата. Он ведь осыпал его всевозможными благодеяниями, взял к себе на службу, помог ему разбогатеть, а тот вдруг захотел жениться на его сестре, о чем ему не следовало и думать.

– Во всяком случае, – сказала Номерфида, – не часто бывает, что женщина из такого знатного дома выходит по любви замуж за человека, который служит у нее в доме. И как ни необычна эта смерть, самый брак их не менее необычен именно тем, что все люди благоразумные против него, а на его стороне – счастье двух сердец, исполненных любви и душевного мира, ибо Бога эти люди ничем не прогневили. Что же до смерти, которую вы называете жестокой, то, по-моему, раз она все равно неизбежна, то чем быстрее она приходит, тем лучше, миновать ее все равно нельзя. По-моему, счастливы те, кто не задерживается в предместье и кто от земного счастья, которое для них и есть истинное блаженство, сразу переходит к блаженству вечному.

– А что же вы называете предместьем смерти? – спросил Симонто.

– Когда люди долго терзаются, – ответила Номерфида, – а также когда они долго болеют, когда люди так настрадаются телесно или духовно, что исполняются презрения к смерти и считают, что она слишком медлит своим приходом. Про таких-то людей я и говорю, что они уже вступают в предместье этого города и знают все гостиницы его, в которых они испытали вместо отдыха муки. Эта дама все равно рано или поздно похоронила бы мужа, так как он непременно бы умер, но гнев ее брата избавил ее от горя видеть любимого человека больным и несчастным. И, обратив все испытанные ею радости любви на служение Господу, она могла бы почитать себя счастливой.

– Вы, значит, позабыли о позоре, которым она покрыла себя, и об ее заточении? – спросила Лонгарина.

– Я считаю, – ответила Номерфида, – что для той, кто любит беззаветно и в любви своей следует воле Господа, не может быть ни бесчестия, ни позора. То и другое постигает женщину только тогда, когда она совершает какой-либо проступок или когда любовь ее недостаточно высока, ибо любовь благостная столь славна, что ей нечего бывает стыдиться. Что же касается того, что тело ее оказалось в плену, то я думаю, что она совсем не чувствовала этого плена, ибо сердце ее было свободно и обращено к Богу и к ее покойному мужу, и что, напротив, она почитала одиночество свое очень большой свободой. Ибо для той, кому не дано видеть любимого, самое большое благо – это думать о нем непрестанно, и никакая тюрьма не может быть слишком тесной, если в ней достаточно простора для мысли.

– Номерфида совершенно права, – согласился Симонто, – но тот, кто гневом своим разъединил влюбленных, должен чувствовать себя несчастным, ведь он оскорбил Бога, любовь и честь.

– Можно только поражаться, – сказал Жебюрон, – до чего бывает различна любовь женщин, и я все больше убеждаюсь, что поистине добродетельны те из них, которые любят всего сильнее; те же, чья любовь недостаточно велика, стараются вообще ее скрыть и притворством своим снискать себе славу праведниц.

– Это верно, – сказала Парламанта, – сердце, которое чисто перед Богом и перед людьми, любит сильнее, чем то, в котором гнездится порок: женщине, чьи помыслы чисты, нечего бояться, что их разгадают.

– Мне всегда приходилось слышать, – сказал Симонто, – что нельзя осуждать мужчин, которые упорно добиваются благосклонности женщин, так как сам Бог вложил в сердце мужчины любовь и смелость, чтобы просить, а в сердце женщины – целомудрие и страх, чтобы ему отказывать в его просьбе. Наказывать мужчину за то, что он воспользовался преимуществом, которым наградила его сама природа, несправедливо.

– Но как мог граф столько времени расхваливать этого молодого человека своей сестре, – сказала Лонгарина, – разве это не безумие и не жестокость, если владелец родника расхваливает свою воду человеку, который, глядя на эту воду, умирает от жажды, – а потом, едва только тот потянулся к ней, чтобы напиться, его убивает.

– Говоря по правде, – заметила Парламанта, – именно брат своими речами разжег это чувство и поэтому не имел права гасить его ударом шпаги.

– А я могу только удивляться, – сказал Сафредан, – почему простой дворянин не может взять себе в жены даму самого знатного рода, если он верен ей и тут нет никакого обмана. Не доказывают ли философы, что самый заурядный мужчина несравненно выше самой благородной и добродетельной женщины?

– Дело в том, что для поддержания порядка в обществе, – отвечал Дагусен, – считаются только со знатностью происхождения, возрастом и законом, не обращая никакого внимания на любовь и на достоинства мужчин; так поступают, чтобы не подрывать устоев государства. Поэтому-то и бывает, что браки, заключенные между равными и сообразно желанию родителей и других людей, часто настолько далеки от того, что подсказывает чувство, характер и сама жизнь, что, вместо того чтобы вести к спасению души, они ведут в преддверие ада.

– Бывает и так, – сказал Жебюрон, – что людям, сильно полюбившим друг друга, которых сблизили чувство, характер и сама жизнь так, что они пренебрегли разницей в происхождении и в знатности рода, потом приходится раскаиваться, ибо их великая и несдержанная любовь часто приводит и к ревности, и к гневу.

– Мне кажется, ни те ни другие не заслуживают похвалы, – сказала Парламанта, – превозносить можно только тех людей, которые, подчиняясь воле Божьей, не прельщаются ни славой, ни жадностью, ни страстью к наслаждению и руководятся во всем только чистой своей любовью; испросив на то согласие родителей, они хотят жить брачной жизнью так, как велят Господь и природа. И хотя, вообще-то говоря, на свете никто не может прожить без огорчений, мне довелось видеть, что людям, которые поступали так, никогда не приходилось раскаиваться. И я полагаю, что мы все не столь несчастны, чтобы не признать, что у присутствующих здесь женатых мужчин в жизни все так и было.

Иркан, Жебюрон, Симонто и Сафредан заверили дам, что они женились именно так и никогда об этом не жалели. Но независимо от того, как было на самом деле, дамы, которых это касалось, были очень довольны тем, что слышали, ибо ничего более приятного нельзя было себе представить. И все поднялись с места и отправились в церковь, где началась уже служба, а когда окончилась вечерня, все пошли ужинать, продолжая разговаривать до самого конца вечера. Мужчины рассказывали о том, как они ухаживали за невестами, и обо всех перипетиях их женитьбы. Они так увлеклись этими разговорами, что перебивали один другого, и невозможно было запомнить все новые рассказы, записать которые было бы не менее интересно. И всем это так понравилось, что, развлекаясь, они не заметили, как настало время ложиться спать. Госпожа Уазиль простилась со всеми, – и, когда компания стала расходиться, все были в таком хорошем настроении, что те, кто были женаты, должно быть, долго еще не спали и все разговаривали и рассказывали друг другу о своей прошлой любви, отдавая в то же время дань и любви настоящей. В этом приятном занятии они и провели ночь едва ли не до рассвета.

Конец четвертого дня

День пятый

В пятый день беседа идет о добродетели девушек и женщин, которые честь свою ставят выше, чем наслаждение, говорится также и о тех, кто поступает как раз напротив, и о простодушии некоторых иных

Вступление

Когда настало утро, госпожа Уазиль приготовила для всех пищу духовную, столь благостную, что после нее все почувствовали себя подкрепившимися и телом и духом. Вся компания слушала ее с большим вниманием, и все признали, что ни одно чтение не было столь полезно для них, как это. И, услыхав, что пробил последний удар колокола, звавшего к утренней мессе, все отправились в церковь и предались размышлениям о святых истинах, которые они только что слышали. Выслушав мессу и немного погуляв, все сели за стол и обещали друг другу, что день этот они постараются провести еще интереснее, чем предыдущие. А Сафредан сказал, что был бы рад, если бы мост строился еще целый месяц, до того хорошо проходит у них время. Но тамошний аббат торопил с окончанием работ; он вовсе не хотел, чтобы это благородное общество надолго оставалось в монастыре, ибо в присутствии гостей он стеснялся принимать паломниц, которые в обычное время довольно часто наведывались в эту обитель. Когда же после обеда все отдохнули, компания вернулась к своему обычному времяпрепровождению. После того как все расселись на лужайке, Парламанту спросили, кому она предоставит слово.

– Мне кажется, – сказала она, – что Сафредан хорошо начнет сегодняшний день. По его лицу я вижу, что он не собирается заставить нас плакать.

– Благородные дамы, – сказал Сафредан, – вы будете очень жестоки, если не пожалеете францисканца, о котором я собираюсь сейчас говорить. Из историй, которые мы недавно слышали, вы могли заключить, что участницами их являлись бедные женщины, – и монахи, полагая, что с ними легко будет справиться, не испытывали ни малейшего страха. Но, для того чтобы все знали, что, ослепленные вожделением, люди эти действительно способны потерять и благоразумие, и всякий страх, я расскажу вам одну историю, которая произошла во Фландрии.

Новелла сорок первая

В Рождественский сочельник к одному францисканцу явилась молодая девушка, прося исповедовать ее, и он наложил на нее такую необычную епитимью, что она отказалась выполнить ее и ушла, так и не получив отпущения грехов. Когда госпожа ее об этом узнала, она приказала высечь злонамеренного монаха у себя на кухне, а потом связать ему руки и ноги и отвезти к настоятелю монастыря

В тот год, когда Маргарита Австрийская приезжала в Камбре* по поручению племянника своего, императора, чтобы заключить от его имени мир с христианнейшим королем, которого представляла его мать, Луиза Савойская, в свите Маргариты находилась графиня Эгмонт*, которая слыла первой красавицей во всей Фландрии. После того как это важное поручение было выполнено, графиня Эгмонт направилась к себе домой и, когда наступил Рождественский пост, послала во францисканский монастырь попросить, чтобы оттуда прислали к ней в замок опытного духовника, который мог бы прочесть проповеди и исповедовать ее самое и всех ее домочадцев.

Настоятель монастыря, который получал всегда от Эгмонтов и Фьеннов* большие доходы, постарался выбрать для этой цели достойнейшего из монахов. И так как монастырь этот хотел, чтобы уважение и дружба знатных домов доставались ему, а не другим, в замок был послан самый способный проповедник; в течение всего поста он говорил отличные проповеди, и графиня была им очень довольна. В Рождественскую ночь графиня захотела причаститься и послала за своим духовником. И после того как она исповедалась в часовне, которая была наглухо заперта, чтобы соблюсти полную тайну, на исповедь пришла ее придворная дама, которая затем послала к почтенному духовнику и свою дочь. И когда девушка рассказала ему свою жизнь и святому отцу стали известны кое-какие ее секреты, он возымел желание наложить на нее не совсем обычную епитимью.

– Дочь моя, – сказал он, – грехи твои столь велики, что, для того чтобы получить отпущение их, тебе надобно носить мою веревку на голом теле.

Девушка не хотела ослушаться и ответила:

– Дайте мне эту веревку, отец мой, и я обещаю вам, что буду ее носить.

– Дочь моя, – ответил монах, – я должен повязать ее тебе сам, своими руками, а потом из этих же рук ты примешь отпущение всех твоих грехов.

Девушка расплакалась и сказала, что не станет этого делать.

– Как, – воскликнул духовник, – еретичка ты, что ли, что отказываешься от епитимьи, которую накладывает на тебя Господь и мать наша, Пресвятая церковь?

– Я хожу на исповедь, – сказала девушка, – как это велит Церковь, и хочу получить отпущение грехов и для этого исполнить епитимью, но я не хочу, чтобы вы прикасались ко мне руками; в таком случае я отказываюсь от вашей епитимьи.

– Что же, раз так, – сказал духовник, – я не могу отпустить тебе грехи.

Девушка поднялась с колен и ушла со смущенной душой. Она была так молода и неопытна, что ее охватил страх и она стала думать, что, может быть, была не права. Наутро, когда окончилась месса и графиня Эгмонт приобщилась Святых Тайн, ее придворная дама собралась последовать ее примеру и спросила дочь, готова ли она. Девушка расплакалась и сказала, что не получила отпущения грехов.

– А что же ты столько времени делала у духовника? – спросила ее мать.

– Ничего, – ответила дочь, – когда я отказалась от епитимьи, которую он на меня наложил, он отказал мне в отпущении грехов.

Мать стала осторожно допытываться о причине этого и узнала, какую странную епитимью святой отец хотел наложить на ее дочь. И она послала девушку исповедоваться к другому духовнику, после чего обе они причастились. А когда графиня вернулась из церкви, придворная дама пожаловалась ей на монаха, поступок которого изумил и огорчил графиню, ибо она была о нем очень хорошего мнения. Но в то же время, несмотря на весь свой гнев, она не могла не рассмеяться, услыхав о столь необычной епитимье. Смех этот, впрочем, не помешал ей расправиться с монахом: она велела схватить его, отвести на кухню и там высечь. И, когда его стали сечь, он сам признался во всем.

После этого его связали и отправили к настоятелю монастыря, графиня же попросила настоятеля в следующий раз прислать к ней проповедника более достойного.

– Судите сами, благородные дамы, если даже в столь знатном доме монахи эти не боятся предаваться безумствам, то что же они позволяют себе в жилищах простых людей, куда они приходят собирать на монастырь и где им так легко и удобно творить бесчинства, что просто чудо, если они устоят от искушения! Вот почему я прошу вас, благородные дамы, чтобы осуждение свое вы сменили на сочувствие. Подумайте только, ведь тот, кто ослепляет монахов, не щадит и дам, как только ему представится для этого удобный случай.

– Ну и негодяй же этот францисканец, – воскликнула Уазиль. – Быть монахом, священником и проповедником и сотворить такую мерзость в Рождественский сочельник, в церкви, да еще во время исповеди, – ведь от всего этого грех его становится еще тяжелее!

– Послушать вас, так окажется, что францисканцы должны быть настоящими ангелами или самыми мудрыми из людей! – сказал Иркан. – Но вы уже слышали о них столько всего дурного, что должны бы считать их еще хуже, чем они есть на самом деле. По-моему, духовника этого можно простить: ведь это же было ночью и он был с глазу на глаз с красивой девушкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.